

МАРИНА
МОСКВИНА

МЕЖДУ
НАМИ ТОЛЬКО
НОЧЬ

Марина Львовна Москвина

Между нами только ночь

Серия «Классное чтение»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42189310

Между нами только ночь : повести / Марина Москвина.; АСТ :

Редакция Елены Шубиной; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-114775-4

Аннотация

Марина Москвина – автор романов “Крио”, “Роман с Луной”, “Гений безответной любви”, книги рассказов “Моя собака любит джаз” и множества других. Финалист премии “Ясная Поляна” и лауреат Международного Почетного диплома IBBY.

Каждая строка прозы Марины Москвиной – строчка на лоскутном одеяле мира. То веселая, то грустная, про жизнь людей, мечтающих о счастье, – неисчерпаемую, полную печали, юмора, удивительных приключений и любви, преодолевающей пространство и время.

Что это? Большие рассказы? Повести? А, может быть, песни фаду – страстные, пронзительные, слегка наивные, спетые на языке человеческого сердца, который вечен и одинаков для всех на свете...

Содержание

Гm

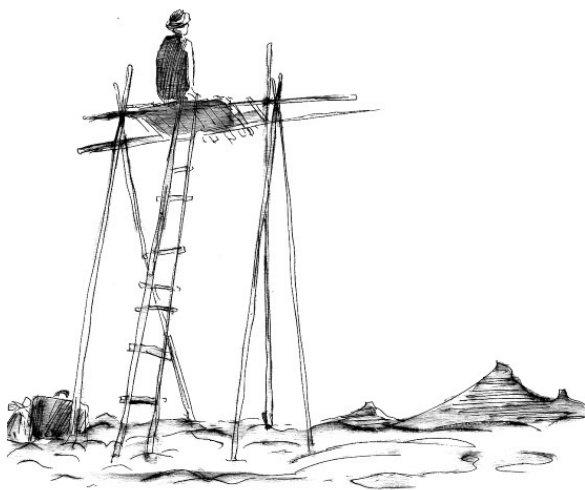
7

Конец ознакомительного фрагмента.

105

Марина Москвина
Между нами только ночь

Художник Андрей Бондаренко

На переплете акварель Леонида Тишкова “Спящий на птице”, 1987, из коллекции Екатеринбургского музея изобразительных искусств.

В книге использованы рисунки Леонида Тишкова

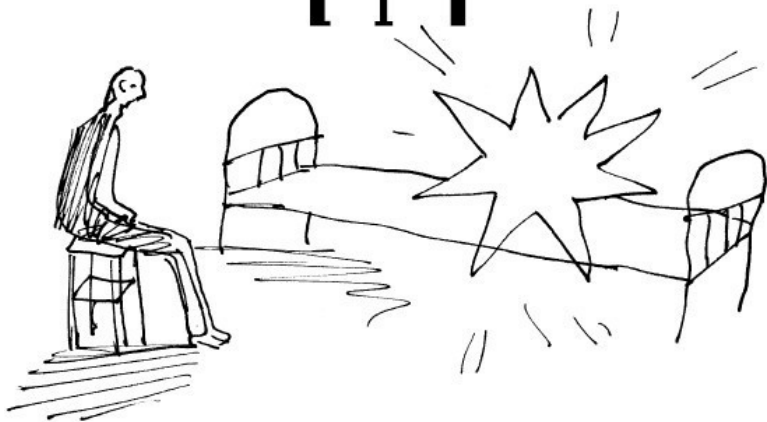
© Москвина М.Л., 2019.

© ООО «Издательство АСТ», 2019.

© Бондаренко А.Л, художественное оформление, 2019.

I'm

I'M

На книжную ярмарку добирались непросто. Рейс на Франкфурт, специальный чартер для российских участников, методично откладывался. Восемь часов цвет нашей литературы фланировал по аэропорту. Многие в преклонных летах, натурально аксакалы: в зале ожидания запахло валокордином.

Писатель Анатолий Приставкин, кроме всего прочего, советник президента по вопросам помилования, оплот международного движения за отмену смертной казни, позвонил в

оргкомитет – выяснить, в чем дело.

Молодой бодрый голос ответил Анатолию Игнатьевичу:
– А что вы хотите? Писатели должны знать жизнь!

Днем позже Эдуард Успенский, глядя на сияющие разноцветными огнями стенды иностранных издательств, в сравнении с нашими – в буквальном смысле слова без огонька, шутил, что у нас другие задачи: *нам главное... взлететь.*

Во Франкфурте меня поселили в номере со Светланой Василенко, мы спали на широкой супружеской кровати, что нас очень сблизило. Совместное житье в двухместных номерах во Франкфурте было сюрпризом для российских писателей, но не для всех приятным. Цветущая Настя Гостева очутилась в номере с поэтом Еленой Шварц, одной из ведущих фигур ленинградской неофициальной культуры семидесятых и восьмидесятых годов, та беспрерывно курила, и Настя, глубоко сознавая прану, понимая толк в пранаяме, взбунтовалась.

Поджидая Успенского, чтобы вместе отправиться на ярмарку, я увидела Настю у стойки администратора. Та пыталась объяснить простому немецкому пареньку, что им трудно с Еленой Шварц дышать одним воздухом, и нельзя ли составить иную констелляцию?

Их союз оказался, увы, нерасторжим, так что Настя, огорченная, вышла на улицу, тут очень кстати подоспел Успенский, и я представила ему Гостеву, хотя мы с ней не были знакомы.

– Откуда вы меня знаете? – спросила она сумрачно.

Мир был в раздоре с ней, и она не спешила принимать пальмовую ветвь.

Я выказала искренний восторг ее повестью об Индии “Travel Агнец”. И поскольку я старая Герда с огромным опытом растапливания заледеневших сердец, Настя быстро оттаяла, и мы уже весело шагали втроем, обсуждая, куда бы мне предложить мое собственное скитание по Индии – “Небесные тихоходы”.

Недолго думая, Настя решила познакомить меня с Ириной Мелдрис из “Софии”, а там, бог даст, и с Олегом Вавиловым.

– И если у вас путешествие не из комнаты в кухню, а – всё-таки ПУТЬ, – она авторитетно заметила: – это их интересует.

Ира до вечера была занята, и мы с Настей, прогуливаясь по Набережной музеев, забрели на выставку живописи обнаженного женского тела.

– Какие они теплые, – сказала Настя.

Мы стояли на мосту и глядели, как под нами струился, вздыхал и шевелился Майн, пока не проклюнулся бледный закат, погодка так себе, накрапывал дождь, но Майн честь по чести алел и золотился, с криком носились чайки, ложились крылом на ветер. Пора было ехать на свидание с Ирой.

Не придавая значения этой встрече, я следовала за Настей, как перезрелый птенец, который до конца дней своих

будет полагаться на импринтинг (обычно я следую за Лёней по всему миру, а тут мне сам бог послал Настю!). Мы явились первые, по-птичьи устроились на парковочных цепях и так сидели, покачиваясь; любимое занятие – глазеть по сторонам в незнакомом городе, аборигены, озабоченные, спешат по своим делам, а ты бездельничаешь и наслаждаешься каждым мгновением.

Настя говорит:

– Вон она идет.

Я обернулась и тут же увидела ее среди прохожих. Наверное, у всех так бывает – при первой встрече, когда она несет в себе историю любви: ты очень сильно присутствуешь в моменте, хотя всё совершается само собой, без усилий, не знаешь даже как. Просто чувствуешь, как начинает другой циркулировать воздух, неуловимое изменение судьбы.

Всё исчезает куда-то, остается лишь это существо, источающее свет, больше ничего.

Право слово, она шла так свободно, легко, почти не касаясь асфальта, как будто все тяжести мира, все путы и привязи и загромождение земли ей были вообще неведомы.

Наверное, припустил ливень, иначе зачем мы зашли в магазин и купили мне зонтик, а заодно каждому по кульку марципанов? Окольными дворами явились в какой-то культурный центр и посидели минут пятнадцать на очень умной лекции по экономике. Однако, разобравшись с марципанами, Ира произнесла фразу, которая привела меня в восхищение.

Она сказала:

– Какой нудный перец!

Мы тихо выскользнули в бар и неожиданно встретили там давнего поклонника Насти, который на радостях взял нам по пятьдесят абсента.

Мир остановился.

Абсент на людей действует по-разному. Не знаю, как мои спутницы, я, с лету приобщенная туйоном к тайнам иных измерений, ощутила гармонию, счастье и полнейшую эмпатию.

Кругом были рассыпаны крошечные чудеса и маленькие улыбки, подающие нам знаки, мы слушали музыку в глубине вещей, веселились, что-то рассказывали друг другу, вибрации проходили сквозь нас, не встречая никаких преград, – лично я этим франкфуртским вечером с большим размахом праздновала “выход из Матрицы”, двери моего восприятия были очищены горькой полынью, Сущее, как говорил Уильям Блейк, явилось мне таким, какое оно есть – бесконечным, а понятие времени, и так в моем случае не вполне отстроенное, вконец потеряло всякий смысл.

Поздно вечером возвращались “домой” в метро. Ире – еще ехать и ехать, мы с Настей махнули ей на прощание платком. Поезд тронулся, я обернулась. Ира внимательно и без улыбки смотрела на меня из окна. Так несколько секунд мы серьезно смотрели друг на друга, и если взгляд можно было бы перевести в слова, он означал: это *ты* – или не *ты*?

На другой день вместо ярмарки я задумала экскурсию в Ботанический сад. Как-то распогодилось, и на писательский “подиум” выходить не хотелось. К тому же это слово ассоциировалось у меня с одной историей. Дело было в девяностых. Дина Рубина, с юных наших лет чувствуя ответственность за мою писательскую судьбу, направила меня к израильскому нуворишу по фамилии Зильберштейн, прибывшему в Москву с благородной целью добыть материал для глянцевого издания, учрежденного им с дальним прицелом: чтобы его праздная дочь хоть чем-нибудь занялась кроме околачивания груш. Набоб остановился в “Палас Отеле” на “Киевской”, куда я и направила стопы, со своими рассказами под мышкой.

Зильберштейн открыл дверь и, смерив меня глазом, неожиданно произнес:

– Рост?

– Один метр пятьдесят восемь сантиметров, – ответила я, не дрогнув.

– Мало, – он поморщился. – Объем груди? Объем бедер? Этой информацией я не располагала.

– Ой, ладно, – махнул он рукой. – Давайте ваше *портфолио*.

Клянусь, я понятия не имела, что это такое.

– Хотя бы фотографии, где вы на подиуме? – настаивал он. – Я же просил принести портфолио!

Тут пришла, видимо, еще одна писательница, ужасно

длинная и худая, словно лоза или кипарис. Ни на секунду не удивившись, она оттарабанила свои объемы, и шестое чувство подсказало мне, что параметры этого автора его устроили куда больше, чем мои. Когда же он затребовал *портфолио*, и она выудила эту штуку из пакета, сомнения развеялись – я попала на кастинг манекенщиц. Дина потом говорила – ну и что? Да, Шмулик Зильберштейн вздумал открыть журнал мод, но там предполагались разные рубрики, я тебя прочила в “детский уголок”. Что ты как дикая серна? Подождала бы еще немного – глядишь, вослед кипарису явилась бы Таня Толстая, она бы ему показала “портфолио”!

Короче, подиум.

А моя Света Василенко:

– Иди-иди! Придут на Улицкую, заодно и на тебя посмотрят.

На подиуме в нашу компанию затесался поэт, сочинивший одно из тех стихотворений, которые раз повстречаешь – и осядет в памяти, растворится в подкорке, умирать будешь – вспомнишь. Время от времени оно всплывало строками из какого-то древнего эпоса, и вот те на! – принадлежало перу Вадима Месяца:

Это не слезы – он потерял глаза.

Они покатались в черный Хевальдский лес.

Их подобрал тролль.

И увидел луну.

Увидел луну и сказал:

луна.

Она подороже, чем золотой муравей,

И покруглей, чем мохнатый болотный шар.

Чтобы не плакать, нужно скорее спать.

Откуда ни возьмись появилась Настя. Всё утро она гуляла в зоопарке, любовалась семейством шимпанзе.

– Пошли, – сказала она. – Я тебя познакомлю с Олегом Вавиловым, и ты отдашь ему свою рукопись.

Олега было не застать, одна деловая встреча плавно перетекала в другую. На стенде “Софии” мы встретили Иру, правда немного квелую в сравнении со вчерашним днем. С утра она пережила тренинг “Путь воина”, где было объявлено, что духовный воин проверяется по горловой чакре: если пущенная из лука стрела угодит ему в яремную ямку, истинному победителю тьмы это будет трын-трава. Кто готов?

Вышла Ира и встала перед ним, сияя потаенным светом.

Я живо представила картину: стриженная под мальчика, непонятного возраста – я промахнулась на десять лет, решив, что ей нет и двадцати пяти. (“А как же моя мудрость?..” – воскликнула она.) Правильные черты, “нарядный рост”, гармоничное сложение. Древние обитатели Индии, высокие и светлоглазые арии, могли бы взять на себя ответственность за ее генетический код.

Казалось, она даже немного стеснялась своей красоты, сознательно умеряла ее, как это делал поэт Мацуо Басё, пыта-

ясь в скитаниях ослабить, смягчить свой поэтический дар.

Она нарочно притормозила на пороге взрослого мира, почуввав, что его блага предполагают некую косность сознания, и выбрала гибкость, чувствительность, уязвимость, полнейшее отсутствие защитного поля.

И тут же – так мне хорошо знакомое – стремление вечно испытывать судьбу.

В “лихие” девяностые на представлении заклинателя сиамских питонов, удавов и королевских кобр она, единственная из публики, откликнулась на призыв факира: и ее обвил удав.

Так она стояла, обвитая удавом, ошарашенным подобной отвагой. А также – красотой и безумной Иркиной храбростью был начисто сражен британский продюсер Малколм, прямо из объятий удава пригласивший ее переводчицей на съемки английского сериала “Приключения стрелка Шарпа” в Крым, а там и принял на работу в свою кинокомпанию.

“Дело это для меня абсолютно новое и незнакомое, – писала она из Лондона родителям. – Никогда раньше не приходилось мне столько читать на английском в такие сжатые сроки. А во-вторых, проглотив книгу или сценарий, нужно оценить их с точки зрения художественной значимости, оригинальности формы, привлекательности персонажей, понять, заинтересуют ли это английскую аудиторию (господи, откуда я знаю!), можно ли адаптировать для телевидения и многое

другое. Ты должен родить все эти идеи, а дальше – придать им приличный литературный вид, чтобы мое творчество мог почитать не только Малколм (Малёк), но и любые посторонние люди...”

И это был не предел мечтаний.

“Раздобыла лингафонный курс классического английского произношения и штурмую его и так и эдак...”

Подумывала – когда-нибудь, если случится оказия и судьба не забросит за тридевять земель, заняться режиссурой (“...в кино, говоря о режиссуре, хожу довольно часто, посмотрела немало интересных фильмов, совсем некоммерческих, едва ли они у нас когда-нибудь пойдут. Всё больше убеждаюсь, что в Голливуде (ха! Они меня там просто заждались!) мне делать нечего: европейское кино, да и сама культура мне куда ближе, чем американский “action”, поскольку апеллирует к внутренней, эмоциональной сути человека, его психологии. Посему американская публика в массе вряд ли мной бы удовлетворилась, так что будем ориентироваться на Европу...”

И если оказия не случилась, то лишь потому, что жажда жизни, которую не смогли заглушить никакие неудачи (“глядь, она всё-таки вылезает наружу, как подорожник сквозь трещину в асфальте”), и круг ее притяжений были безбрежны. За одну, увы, недолгую жизнь она собралась прожить несколько.

Вдруг ее потянуло в стеклодувы. “Хожу-ищу инструменты

для работы со стеклом. Зашла в стеклодувную мастерскую, всё там разнюхала и даже попробовала сама выдуть – ...улитку. Бедняжка получилась кривобокая, косолапая, однорогая, но благодаря этой помеси черепахи с жирафом уяснила для себя главное: это каторжный труд – с тяжелой железной трубкой, которую надо всё время крутить вокруг своей оси перед пышущими жаром печами – руки отваливаются, кругом вредные испарения – таким хобби себя в два счета угробишь! Да и вещи получаются слишком громоздкие и осанистые. Я стеклодувам так и сказала, что меня привлекают более мелкие и грациозные формы. А они: в таком случае надо изучать технику «работы с лампой». Потребуется «газовый пистолет», из которого вырывается горячее пламя, газовый баллон, специальный стол, всякие мелкие приспособленьца и масса терпения. К сожалению, в Англии этот метод не практикуется, он популярен в Венеции, но я не расстраиваюсь и уже раздобыла книжку послевоенного издания, очень полезную для стеклодувного творчества...”

Впрочем, я отвлеклась.

“Одиссей” вскинул лук, натянул тетиву, тщательно прицелился, выпустил стрелу (слава богу, с тупым деревянным концом, без стального наконечника), *попал*, Ира стойко встретила ее горловой чакрой, как и подобает дозорному неба, но потом всё же пару дней ощущала небольшой дискомфорт.

– Оставь рукопись, – она сказала мне. – Я передам Вави-

лову и сама почитаю.

С собой у меня был небольшой роман “Мусорная корзина для Алмазной сутры”.

История “Корзины” такова. Мать моя Люся давно замыслила книгу о своем отце Степане Захарове, рыжем, конопатом большевике, обладавшем невероятно чуткой психикой. В минуты острейшей опасности в нем просыпались какие-то скрытые сидхи: при отступлении в Восточной Пруссии он видел не только куда бежал, но при этом еще и каждого, кто в него целился!

Пережив три войны и три революции, тюрьмы, каторгу, германский плен, газовую атаку в Осовце, он вечно посмеивался, неважно – над мимолетным или нетленным. Веселье, как масло, смазывало колеса его жизни. Всё тешило его взор и услаждало слух, куда бы ни забросила его судьба, старик возбужден, воодушевлен, не даром он пишет в дневнике, что мир ему представлялся не в виде четких предметов, а в виде вихрей, энергетических вибраций.

Покинув эту землю, Степан оставил сундук сокровищ, доверху набитый архивами, мандатами и прокламациями, пропусками в Кремль, подшивками “Искры” и “Пролетария”, – столь намагниченный мистерией бытия, что к нему было страшно прикоснуться.

Полет на сундуке Захарова с его удостоверениями, свидетельствами Челябинской и Таганрогской, Мелитопольской и прочих чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволю-

цией, спекуляцией и преступлением на право ношения револьвера системы “парабеллум” (револьвер вместе с шашкой Люся успела сдать в Музей Революции как раз перед его упразднением), бесчисленными свидетельствами очевидцев о днях кончины Ленина, блокнотами и дневниками, куда он скрупулезно заносил события своей мятежной биографии – вот что, казалось Люсе, должна являть собой наша повесть.

Но в случае сундука Степана мы имели чертову уйму элементов, событий, взаимосвязей, которую, хоть ты тресни, собрать в единый рассказ нечего и думать, пока за это не возьмется само Провидение. Однако Провидение запаздывало, и, ведая о каждом миге бурной и своевольной жизни героя, Люсе никак было не ухватить его образ – непоколебимого воителя, беззаботного хохмача и неутомимого возлюбленного. Разумеется, она волновалась: что я буду делать, если она не своротит эту гору?

И вдруг мне на выручку из тьмы веков прорвался свободный и страшный Хуэйнэн, Шестой патриарх дзен. Озираясь как тигр, он принялся бормотать свои страшные и свободные сутры.

В эту самую пору я жила в Переделкине совсем одна, канал связи там чист и хорошо настроен, и я могла черпать из его праджняпарамиты сколько заблагорассудится. Первое, что мне дано было понять – сколь нерушимым чертогом мудрости был мой дед Степан – прообраз героя “Мусорной корзины...” Гудкова, чьи хулиганские выходки и высказывания

вошли в историю дзен с пожелтевшим манускриптом “Путь к коммунизму”, сочиненным дедом.

Одна за одной стали рождаться притчи о моих стариках, мудрецах в миру, истинных духовных воинах в самой гуще мира, основанные на реальных событиях истории нашей страны, начиная от Октябрьской революции, предвоенной эпохи и Великой Отечественной войны, маленький роман, охватывающий собой огромные пространства, грандиозные события, а также полностью запредельные явления.

Здорово поддержал “Мусорную корзину для Алмазной сутры” и мой друг Седов, который приветствовал звоном щита гремучую смесь большевизма и дзен-буддизма, а если дело стопорилось, с шашкой наголо скакал на подмогу и чуть что кричал:

– Ты – человек мелкий для мифа!!! Ты должна мне слепо доверять! Слышишь??? Слепо!!!

(Мы были тогда на одной волне и хорошо понимали друг друга, а когда расстались и я жаловалась Ире, что скучаю по нему, – “ты скучаешь по нему – *ТОМУ*”, – отзывалась мудрая Ирка.)

Роман напечатали в журнале “Знамя”. Вернее, начало романа: вещь пишется так долго, что не выдержишь и порой срываешь недозрелый плод, Юрий Коваль это сравнивал с отбыванием срока: пять лет, считай, отмотал, осталось две недели, и ты бежишь, не в силах уже высидеть ни дня!

“Знамя” подхватила Мелдрис, и вот уж меня приглашают

в издательство “София” заключать договор. В ожидании Вавилова мы гоняли ромашковые чаи, рассказывая, чем завершилась для каждого из нас книжная ярмарка.

Ира со своими коллегами-издателями отправилась из Франкфурта в Париж, откуда она писала родителям:

“Когда мне будет столько лет, сколько вам сейчас, я опишу в своих воспоминаниях октябрь 2002 года, украшенный Парижем. Прочтет ли их кто – не знаю, но, вспоминая о Париже, я подумаю и о вас, о том, как я писала вам эту открытку и даже не пыталась передать словами заколдованное очарование изображенного на ней огромного хрустального замка под открытым небом”.

Сергей Макаренков, которого она несколько часов водила по лабиринтам парижских улиц в поисках мифического кафе, где угощают *самым вкусным на свете мороженым*, рассказывал: когда они его в конце концов отыскивали, то ничего в этом не было особенного, обычная стекляшка, обыкновенное мороженое, нет, она: “самое вкусное на свете!”. Видно, ей было даровано прозревать сквозь завесу, скрывающую от нас жемчужины.

Тем временем Света Василенко тоже покинула меня, так что в последний вечер перед отлетом в Москву я погрузилась в блаженное самосозерцание. И надо же такому случиться, что ко мне в гости собрался навеститься Вадим Месяц, обитающий в соседнем номере. Во Франкфурт он прибыл из Америки и тщетно пытался наладить свои биоритмы: путал

день с ночью, запасался на ночь едой и, может быть проснувшись поздним вечером, тихонько постучал мне в дверь.

Но у меня такая медитация пошла – о призрачности этого мира, я слышу, Вадим стучит, но просто физически не могу откликнуться, и, дорожа уединением, подумала: Месяц поскребется и пойдет восвояси, не будет настаивать на столь позднем визите.

Нет, он давай настаивать, в Нью-Йорке-то утро! Вот он стучит, а я уже и не знаю, как быть, ведь я сделала вид, что гуляю или сплю, или как говорит Леонид Юзефович: “*в нашем с тобой возрасте* мы всегда можем сослаться на плохое самочувствие...”

Однако Месяц, выйдя из тумана, вынув ножик из кармана, отрезал мне все пути к отступлению. Он то стучал, то заливисто трезвонил по местному телефону, а когда я, слегка одурев от этой осады, выдернула штепсель из розетки, окончательно догадался, что от него пытаются скрыться, это затронуло его за живое, он выудил из-под кровати свои тарелки с заначками, и стал метать в мою дверь котлеты с картошкой, а также ананасы и персики. Более того, Месяц вызвал для подкрепления товарища по цеху Елену Андреевну Шварц. И я услышала ее несравненный хриплый прокуренный басок. Светлая память этой самобытной женщине и удивительному поэту, она спросила:

– А что ты волнуешься? Думаешь, она там подохла?

Вместе они представляли могучую силу и нипочем бы не

отступили, а если мне и впредь запираяться и волынить, они попросту позвонили бы в полицию.

Надо было видеть их лица, когда я открыла. Это финальная сцена из “Ревизора”.

– Вы извините, – растерянно сказал Вадим после паузы, – я, кажется, вас побеспокоил? Мне стало немного одиноко и захотелось перемолвиться с кем-нибудь парой слов...

– Ничего страшного, – ответила я с понимающей улыбкой, – доброй ночи, друзья...

Наутро меня разбудило гуденье пылесоса под дверью. Несколько горничных убрали роскошные следы дебоша, учиненного жертвой моего негостеприимства, на рассвете улетевшего в Нью-Йорк.

Убедившись, что меня не призовут к ответу, я выглянула из номера и на ручке двери заприметила пакет. В нем лежала книга с дарственной надписью:

“Марине Москвиной, единственной-одной...”

Я приняла ее с благодарностью и раскаянием, и она сразу, конечно, раскрылась на том стихотворении, которое я часто вспоминаю, особенно после знакомства с автором.

Ира очень смеялась, когда я рассказывала ей эту историю.

Тут примчался неуловимый Вавилов на мотоцикле – то ли “Ямаха”, то ли “Харли Дэвидсон”. Когда мы приближались к его кабинету, я, конечно, волновалась: нас, авторов, много, а Вавилов – один. Ира это почувствовала, обернулась и скомандовала:

– Облегчи ауру!

Олег нас принял радушно, угощал японским чаем из крошечных глиняных чашечек. Он как раз собирался в паломничество к святым местам – два раза по часовой стрелке обойти вокруг Кайлаша.

Об “Индии” моей речь уже не шла, Ира влюбилась в “Мусорную корзину...”, до того близко приняла ее к сердцу, будто сама написала. Она ощущала в себе ростки писательства, и прорыв к естественному, как дыхание, тексту – трагическому и эфемерному, где не только анатомия, но и астрономия описывает нас, – привлекал ее творческую натуру. В литературе, как и в жизни, ей хотелось выкарабкаться за рамки неумолимой логики и поверхностных сцеплений.

“Первым семечком на пути большого роста, – писала она маме с папой из Лондона в девяностых, – я выбрала форму короткого рассказа. Зная себя, прекрасно понимаю, что если сразу замахнуться на то, что тебе не по зубам, проекты так и останутся в камере черепной коробки, и я буду тянуть и откладывать до тех пор, пока совсем не зарасту паутиной. Для храбрости читаю книжку о том, как быть писателем. В ней нет технических приемов, зато много упражнений на растяжку воображения и укрепления внутреннего зрения, когда ты всё так живо и в мельчайших подробностях представляешь, что описание получается зеркальным – не отличить от настоящего. Я не хочу писать рассказы, слизанные с нату-

ры. Меня больше тянет к жанру экзистенциальному и слегка сюрреалистическому. К притче. Но в современном исполнении. Для того чтобы работать в этом стиле, надо не только знать, как сказать, но и в большей степени – что сказать. Велосипед в литературе, конечно, давно уже изобретен, но вариации на его тему открыты для всех. Главное, чтобы взгляд был не замыленным и видел мир в индивидуальном ракурсе. И если он оттуда будет слать сигналы в – пусть не гениальный – но живой тренированный мозг, там вполне может родиться что-то достойное”.

Всё это время, пока у нас расцветала “Мусорная корзина для Алмазной сутры”, муж мой Лёня Тишков, художник, поэт и создатель мифологических Существ, возил своих даб-лоидов и водолазов из одной страны в другую. Он слал семье эфемерные приветствия, временами надолго замолкая, а когда я совсем отчаивалась, Лёнин друг, живописец Басанец, утешал меня:

– Если мужик молчит – верный признак: он занят и работает. Будь у него шуры-муры, тогда б он без конца названивал и талдычил о любви. Я так всегда делаю, – сообщал он доверительно.

Зато вернувшись, Лёня сходу взялся за оформление “Корзины”. Какую битву он выдержал с нашим строптивым сундуком! Окрыленная надеждой, Люся знай подтаскивала старинные фотоальбомы, где Степан Захаров – то подписывает

плечом гроб Николая Баумана, то в крымских степях на “роллс-ройсе” продирается сквозь тучу саранчи, в водолажном шлеме достает со дна морского сокровища затонувшей “Женерозы”, а также заседает на партсъездах с Бухариным, Будённым, Каменевым, Дмитрием Ульяновым и его неугомонным средним братом.

Эскизами и набросками иллюстраций Лёня завалил весь дом. Он пытался отыскать какую-то новую правду: выдумать невиданное, сохранив осязаемую атмосферу двадцатых-тридцатых годов, взвиться под облака – и окунуться в реалии, однако почва уходила из-под ног, а воспарить на сундуке Захарова по-прежнему удавалось только преподобному Хуэйньэну.

Он-то и намекнул Лёне, мол, в соответствии с местом и временем – даже Тишкову! – необходимо приостанавливать кармическую активность и прояснять дух, чтобы дать выход чудесной естественности...

(– А кто с этим спорит? – возмущался мой сын Серёга, когда я зачитывала ему подобные крылемы. – Что вы все ломитесь в открытые двери??! Кто возражает?!)

В общем, когда мы уперлись лбами в тупик, Лёню озарила идея. Он решил сплавить воедино архивные фотографии деда и свои мифологические акварели.

Ира тут выступила музой. Очень уж Лёне захотелось ей показаться в выгодном свете, а не ударить в грязь лицом. Она оказалась мощным вдохновителем и бесценным соратником

построения новой яви.

Старые фотографии, извлеченные из бархатных альбомов и картонных папок с тесемками, маленькие и потемневшие от времени, были сканированы и увеличены на экране компьютера, так что наши герои прямо на глазах обретали новое телесное существование. Да, из прошлого нельзя совершить прыжок в реальность настоящего. Зато можно проникнуть в обитель ангелов и драконов, создателей и разрушителей Вселенной.

По образованию врач и алхимик, Тишков осторожно сводил воедино энергетические поля. И вот уже делегаты партконференции слушают Будду у подножия баньяна, на женском пляже в Сочи играл на флейте Кришна, птичечеловек Гаруда спасал авиаконструктора Ваню Поставнина. И этот космос, отправленный Вавиловым в печать и ставший книгой, начал мерцать и клубиться над нашими головами.

“Корзину” мы, разумеется, торжественно посвятили Люсе.

Когда делали макет, мама предупредила: если из ее фотографий в книге будет только та, где она в двухлетнем возрасте в Пятигорске, – она не на шутку рассердится.

Мы дали еще одну: там она в расцвете лет на Черноморском курорте в шелковом платье струящемся – а на своем коллаже Лёня поместил ее в сердцевину лотоса.

В 2004 году на восемьдесят лет Люся получила идеальное издание “Мусорной корзины для Алмазной сутры”, не име-

ющее себе равных. Бумага была немецкая, с оттенком топленого молока. Печать дуплекс – два цвета. Обложка – эфалин с малиновым тиснением. Шедевр книгопечатания. Люся была счастлива. Жить ей оставалось два года.

21 декабря 2006-го, в день зимнего солнцестояния (единственный в мифах Древней Греции, когда богу Аиду позволено появляться из подземного царства на горе Олимп) – Ира прислала мне sms:

“Родная моя
Мариша... Сегодня
моей маме исполнилось 77,
а твоей мамы не стало... Они
рождаются и умирают в один
день, но
остаются с нами
на всю жизнь —
нашу общую,
бесконечную,
запредельную
жизнь. Пусть
всегда будет
мама... как солнечный круг,
подпирающий
нас изнутри”.

В честь “Мусорной корзины” мы задумали вереницу ликующих презентаций.

Первая встреча с читателями предполагалась на “Нон-фикшн”, но – ни плакатика, ни объявлений на весь Дом художника, ни толп журналистов – это нам совершенно не грозило: в полном составе рекламный отдел “Софии” брошен был на триумфальное продвижение Паоло Коэльо.

Ладно, мы с Ирой уселись на высокие табуретки, образовали воронку доброжелательности и стали засасывать туда случайных прохожих: били в бубен, гудели тибетской чашей и воскуряли благовония, мы просто праздновали жизнь, и на наш пылающий костер слетелось немало душ, но все они были друзья и знакомые, и вместо небольшого хотя бы гешефта мы раздали налево и направо кучу книг.

Тогда же я обнаружила, что она неплохо играет на флейте. Каждая презентация открывала мне Ирку с новой стороны. В “Клубе на Брестской” мой золотой издатель в широченных штанах танцевала на фоне летящих гусей, распластавших в полете крылья. Видела ли она, что творилось у нее за спиной на гигантском экране, или, может, чуяла своим стриженным затылком, но – настолько вписаться в стихию воздушного простора и гусяного полета... То ли в ней проступила птица тогда, то ли ангел, я не знаю.

На третью – в эзотерическом магазине “Белые облака” она просто не пришла. Там мы без нее зажигали с Лёней и Седовым.

– Среди твоей публики, – мне потом говорил Седов, у него-то глаз наметанный на такие вещи, – было много су-

масшедших. Но особенно меня удивил продавец. Мне казалось: продавцы-то хотя бы нормальные? Ничего подобного. Когда ты читала про звук хлопка одной ладонью, он подошел ко мне и спросил: “А, правда: что такое звук хлопка одной ладонью? Какой ответ?” “Ну, понимаешь, – я стал объяснять, – тут в принципе нет ответа. Этот вопрос только создает ситуацию для ума, который не может ответить привычным способом...” “Нет, а всё-таки?” – он спросил.

Один-единственный верный поклонник моего таланта был точно в здравом уме, он заранее готовился к встрече, ужасно боялся ее прошляпить, считал часы и минуты... И с первых же слов заснул. А когда грянули аплодисменты, вскочил, опрокинув стул, и в смущении убежал.

Где она подметала штанами улицы в столь важный момент? Да где угодно она могла очутиться.

“Говорила вам или нет, – она писала в письме родителям, – что я задумала поехать в Африку? Через Зимбабве в Кению, через водопад Виктория, вдоль восточного побережья на Север, с трехдневной остановкой на острове Занзибар, дальше Серенгети, саванна и кратер Нгоронгоро, гигантский естественный заповедник с тысячными стадами и картелями хищников. Вы знаете, как давно я уже твержу про Африку. Мечта моя – страна Лимпопо! Этим летом я вдруг поняла, что если в ближайшее время не переведу свою мечту – как ребенка за руку через дорогу – из разряда иллюзий в

страну солнца, пыли, масаев, грохочущих табунов и умопомрачительных плоскостей, потом будет уже поздно, острота ощущений будет уже не та...”

“Как это важно для меня сейчас – на гребне молодости дотянуться до солнца, до звезд, пропитаться ветрами иных миров... Тесновато мне тут, на Британском острове! Если я действительно хочу что-то написать, нужно распахнуть свой диапазон выше и дальше за островные пределы. Отсюда желание взлететь на микролайте, нырнуть на дно к акулам, проехать на лошадях через Монголию. Я не кочевник по сути, но и не из оседлых племен. Стремление быть всё время в движении, и, в первую очередь, внутреннем – неважно в какую сторону, ведь с точки зрения пространства не существует движения вперед или назад. А есть импульс, толчок и скольжение, как на коньках. Ноги уже не разъезжаются, как раньше, и от этого радостно и уверенно на душе”.

“...Любимый мой Маришик, я в Нью-Йорке! Любуюсь фаллическим беспределом каменных джунглей и зрю в корень – перевожу семинар по дистанционному видению и осознанным сновидениям. Вернусь в конце мая. Расцветай!”

“Прости прости прости! Последние пару дней перед взлетом был такой марафон, что едва домчалась до аэропорта и плюхнулась в кресло – успела! Но многое другое – и главное

ответить на твои послания! – пришлось оставить на сейчас. Я на месте, в крошечном живописном городишке Лос-Гигантес, названном так в честь отвесного вулкана, к которому он притулился правым боком. И первое же письмо – на второй день приезда – тебе! Я по нам уже здорово соскучилась!

Итак – завтра будет исполнен ритуал перехода Земли на новое время! Гости съезжаются со всего мира. А заодно и сплываються: ждем в гости дельфинов. Море вокруг Тенерифе – одна из любимых акваторий дельфинов и китов.

Я живу на набережной Марины в трех метрах от воды, куда с утра до ночи занырываю. Она не парная, но чистая-чистая, несмотря на черный и нежный вулканический песок.

Но где же драйв?

Надеюсь, он скоро проклюнется и поднимет всё в воздух – как нас с тобой, когда мы зависаем и парим над пиршеством в честь долгожданной встречи.

А может, здесь такого не будет, и я просто сотру что-то лишнее, выветрю надоевшее и пропитаюсь соленой водой, как селедка. Время покажет! То самое время, которое завтра закончится и включится снова, чтобы мы могли мчаться друг к другу из-за морей-океанов, из заснеженной Арктики и с вулканических пиков, прыгая с ветки на ветку – с моей серой на твою зеленую и вместе на красную, пульсирующую как даблоидное сердце, которое у нас на каком-то невидимом плане одно на двоих. Вот же счастье!

Шлю его тебе срочной островной почтой. Небо за окном

синее, как на детских рисунках, и потому домчится оно мигом – к завтрашнему дню, когда ты выглянешь в окно, чтобы отправить ввысь свое послание на весь грядущий век.

Не забудь, мой драгоценный тихоход из поднебесья! Мир ждет твоей подсказки! (и да, чудесная получилась обложка, ваша на все сто (миллионов))...

Вот и всё пока, побежала купаться...

Тых-бултых!”

Мы с ней никогда не странствовали вместе. Но сообщая прислушивались к зову одних и тех же земель – Японии, Мексики, Тибета, Австралии, Юго-Восточной Азии, хотя это не исключало северных территорий (“Так засмотрелась на вашу луну среди снежных арктических гор и жизнеутверждающую надпись на айсберге, что забыла сказать – в суровой красоте магии-то побольше, чем в южных закатах...”)

Ей не удалось забраться севернее Шотландии (“До чего же прекрасна планета Земля! И Шотландия, конечно, один из ее самых ярких шедевров. Сердце так и рвется из груди на ее необъятный простор...”), но вместе с маленьким шерстяным лыжником, идущим по соляным снежным просторам вдоль замерзшего озера, над которым струился голубой космос, в самом сердце полярной ночи, под музыку Грига возле инсталляции Лёни Тишкова “Сольвейг” – Ирка, скрестив ноги, закрыв глаза, просидела добрых пару часов.

К тому же она основательно и планомерно готовилась к

путешествию в прошлые жизни.

“...Летом я ездила в Даманхур в предгорья Альп – это восьмое чудо света, Храм Человечества внутри Горы, похожий на тот, что существует внутри каждого из нас. Там соединяются невидимые реки, несущие *воды* пространств и времен. Недавно его основатель пригласил одного художника отправиться вместе с ним в Атлантиду через портал во времени (где они его прячут – не говорят). Он потом сделал потрясающую выставку, изобразив увиденное...

Очень бы и мне хотелось навеститься с тобой в Атлантиду – ну, или хотя бы в древний Египет или средневековую Японию. Мало ли в прошлом прелюбопытных географических пространств и времен. Кстати, в этом Даманхуре преподается курс астральных путешествий, я уже записалась к ним – чтобы научиться выходить из тела и перемещаться налегке. Потом тебя тоже научу.... Тебе это должно быть интересней всех.

Твоя – пока еще в теле – летунья”.

Творческий тандем Вавилова и Мелдрис был столь креативным, что, отпочковавшись от “Софии”, он дал свежий побег в “Открытом мире”. Новехонькое издательство, где они собрались выпускать просветляющую литературу исключительно по своему разумению. Об этом мне было сообщено под строжайшим секретом, чтоб я – никому, пока Олег с

Ирой основательно не заварят кашу.

А в это самое время наш сын Серёга, окончив художественную школу и факультет журналистики Института современных искусств, защитив диссертацию на кафедре политологии, пробовал себя в разных жанрах и делал крупные успехи в области рекламы.

Лёня пристроил его в арт-клуб “МУХА” (“музыкантов и художников”), который как раз возглавлял живописец Басанец. Серёжа быстро прославил “МуХу” на весь мир, но вел себя при этом вольно и своенравно, чем крайне возмущал Басанца:

– Он должен стоять передо мной с картонной папочкой и повторять два слова: “здравствуйте” и “спасибо”. А он вон какой! Вы кого из него растите???

– Председателя Земного шара, – миролюбиво отвечали мы с Лёней.

Вот я и говорю Ирке:

– У нас мальчик, если что-то берется рекламировать, то на следующий день это показывают по Первому каналу в программе “Время”.

Ира намотала на ус, и спустя некоторое время мы получили письмо от Олега Вавилова, которое я храню как семейную реликвию:

“Где этот бриллиант?”

Так наш Серёжа вступил на издательскую стезю.

Молодой коллектив очень украсил Александр Нариньяни

серией буддистской литературы “Самадхи”. Мелдрис царила в эзотерическом секторе. И тут же, на месте слияния энергетических потоков и невидимых рек, протекало издательство “Танга”, где мой давний знакомец Костя Кравчук выпускал книги по недвойственности (Адвайте).

Костя был первопроходцем в этом деле. В девяностых наш общий приятель и в немалой степени гуру Стас носил мне книги от него рюкзаками. Поэтому Кравчук по старой памяти принялся одаривать меня бесценными сводами бесед Нисаргадатты Махараджа, Рамеша Балсекара, Рам Цзы, Дугласа Хардинга, Ричарда Ланга, Карла Ренца... Остановись, перо, ибо я буду перечислять и перечислять имена, звучащие музыкой в сердце и ласкающие слух (правда, Стас нашего увлечения этими “свотильниками в ноти” не одобрял).

Зная, с каким трепетом я внемлю всем религиям и возвышающим душу учениям, издатели “Открытого мира” дружелюбно передавали мне свои новинки через Серёгу.

Ну, и моя Мелдрис, гений добывания всяческих диковин, торжественно вручила мне двухтомник древнейших секретов “Сексуального учения Белой тигрицы” и “Нефритового дракона” с пожеланием, чтобы я достигла, наконец, сексуального расцвета, как она деликатно заметила, уж лучше поздно, чем никогда.

Разумеется, я проштудировала оба тома подробнейшим образом и настоятельно рекомендовала второй том Лёне Тишкову, чтоб он хотя бы разобрался, какой у него тип

Нефритового Жезла – “тянь”, “ли”, “дуй”, “чжэнь”, “сунь”, “кань”, “гэнь” или “кунь”?

– Лично я совсем уже Рычащая Тигрица, – я рапортовала Ирке.

– А Дракон – Парящий? – она спрашивала строго.

На выставку “В поисках чудесного”, раскинутую Лёней на четырех этажах Музея современного искусства в Ермолаевском переулке, Мелдрис прихватила новое свое грандиозное свершение – книгу, раскрывающую тайну эротической вселенной:

– Всего семьсот рублей, и эта песнь тантрического искусства сублимации, ведущей к пробуждению Кундалини и окончательному созреванию шишковидной железы, вознесет вашу с Лёней сексуальную жизнь вообще на недостижимую высоту!

Я страшно обрадовалась, а Лёне было жалко семьсот рублей, он запырлялся и увиливал, твердил, что *у него уже есть книга* и вообще он не сторонник научного подхода в этом вопросе, а – как пойдет, так и пойдет.

– Учти, – грозно сказала Ира, – если ты будешь тормозить исследование новых граней эротических переживаний, то получишь Стюарта в подарок.

И Лёня, памятуя о ее извечном бессребреничестве, со вздохом полез за кошельком.

Что ей совсем не удавалось – это обогатиться. Хотя она с

энтузиазмом бралась за любые, казалось бы, фантастические проекты, засучивала рукава и направляла туда колоссальные потоки энергии.

“Мои любимые родители! – пишет она из Лондона в 1999-м. – Хотите – верьте, хотите, нет, но как назло эта неделя была просто сумасшедшая. Из офиса не вылезала, зато написала самую крупную в своей жизни работу – целых пятнадцать страниц – проект сценария по одной очень необычной книге. Вчера, побожившись закончить, спала в офисе на полу, т. к. вернуться домой не успевала. Жаль, не могу вам послать копию, чтобы вы читали знакомым и гордились...”

“Хорошие новости! «Русский бунт» снова запустили в производство. Да здравствует российский кинематограф! Да здравствует его техническое несовершенство! Два дня отпахала с Эдуардом в монтажной, а по вечерам хронометрирую и перевожу видеокассеты с записью роликов к программе «Сам себе режиссер». Такая нудная механическая работа, зато, глядишь, с долгами расплачусь и на билет в Москву накоплю – если получится, в мае, чтобы и в Коктебель съездить на недельку...”

“В конце прошлой недели закончила, наконец-то, безумный перевод про летающие тарелки. Дался он мне, конечно, нелегко, в глазах до сих пор что-то двоит, как при астигматизме...”

“Еще рано загадывать, но, по-моему, Карен нашла мне дополнительную работу в маленьком американском книжном

агентстве...”

*Едва-едва добрел, усталый, до ночлега... И вдруг – глици-
ний цвет!..* – вспоминается Басё, когда я думаю о ней.

“На дворе полночь, завтра вставать в пять утра, переводить для Эдуарда с семи, чтобы к часу дня посадить его на самолет обратно в Москву. Из аэропорта – в офис, потом – на урок русского, и снова в офис, где полно работы. А еще Павел заказал мне пару статей на выбор для “Вояжа”. Непросто растить золотые на фиговом дереве. Мечусь как угорелая, валюсь с ног от усталости. Но это ерунда...”

И тут же в конверт – сотенку-другую долларов родителям да сумку подарков с оказией:

“Вы, пожалуйста, не молчите, как партизаны, если вам месяцами зарплату на работе задерживают, уж как-нибудь на морковку и капустку я для вас заработаю. Не вздумайте у меня там лапу сосать втихаря. Посылаю паштет из анчоусов под названием «Услада джентльмена» для джентльмена из семейства Мелдрисов (а может, и для его леди!) и всякие бесполезные для здоровья сладости, ну да говорят, психологический комфорт куда важнее физиологического...”

Не то чтобы сколотить какой-никакой капитал, тут ей все пути были заказаны, даже слегка набить карман холщовых штанин не представлялось ни малейшей возможности, ибо

она исповедовала бездонный present art, будучи – если можно так выразиться об Ирке – рогом изобилия, осыпающим дарами всякого, кто к ней приближался. Любые ее трудовые подвиги оборачивались рейдом по магазинам в поисках невиданных сюрпризов, каждый из которых, полученный из ее рук (к слову сказать, освоивших вслед за папой, Евгением Августовичем, рэйки), становился счастливым талисманом, сакральной штукой и запоминался навсегда.

Как-то она мне подарила “Rainbow maker”, кристалл Сваровского, подвешенный на прозрачную коробочку с механизмом, вроде часового, и солнечной батареей. Я приехала вечером в Уваровку, прилепила его к стеклу и заснула. На восходе в окно ударило солнце, кристалл погелел, потом стал ярко-фиолетовым (“напыжился”, заметила Ирка), и медленно, зависая в воздухе, по комнате поплыли радуги, то появляясь, то исчезая, – синь, зелень, желтизна...

Я впала в протрацию.

За окном бабочки, яблони шелестят листвою, над ними – облака, распевает птицы, кто-то за водой идет к колодцу, звенит колодезная цепь, закукарекал петух, звякнул уличный умывальник – в тишине и прохладе утра, – среди плывущих радуг Иркиных, цветущих сентябрин с гудящими шмелями.

Да все ее подарки я храню: и ручку с окрыленным Пегасом, и амбарную книгу для записей с фресками культового храма Хаджурао – золотым тиснением на переплете. Этно-

диск и вообще заездила (“Ты представляешь, я ее слушала в Коктебеле под Кара-Дагом, и такая радость идет оттуда, что я не выдержала и начала кататься по траве...”)

Обычно мы с ней договаривались встретиться в кафе, чтобы золотить мое ожидание бокальчиком вина: я и сама горазда опаздывать, но Мелдрис в своих опозданиях – *non plus ultra*, что было начертано на Геркулесовых столбах и в переводе с латыни означало *далее ехать некуда*. Обе мы глядели вослед уходящим от пристани кораблям, улетевшим самолетам, не дождавшимся нас поездам. Единственный, кто превзошел обеих вместе взятых, это ее бывший муж – истинный англичанин Марк (“а вы говорите – манеры, вековые английские традиции...”).

“Путешествие в Египет изменило Марка в лучшую сторону, поскольку в противоположную его изменить уже нельзя, он достиг апогея, – она жаловалась из Лондона. – Полная расхлябанность в отношении времени и денег! Я, конечно, тоже не подарок и всё время опаздываю, но на 10–15 минут, и то последнее время что-то пунктуальнее стала, старею, наверное. А этот умудрился опоздать на 55 минут на фильм Лондонского кинофестиваля, я его так хотела посмотреть! Причем без всякой причины, в тот день у него не было никаких дел. И это после того, как позавчера мы поехали любоваться фейерверком на берегу Темзы и въехали на мост, от-

куда можно было всё увидеть, в момент, когда только-только отгремело эхо последнего залпа. Это Марк мне решил устроить сюрприз!..”

Марка я никогда не видела, но ознакомилась с его посланием, написанным весьма высокопарным стилем, где он просит у мамы с папой Иркиной руки.

“Аня и Женя, смиренно прошу Вашего согласия и благословения на брак меня с вашей дочерью Ириной. Я обещаю и обязуюсь любить, заботиться, поддерживать и защищать Ирину, как самого себя и больше чем себя, как мою жену. Так как в эту пятницу мой день рождения, я решил сделать предложение не позднее того дня, когда буду принимать подарки. Я сделаю предложение Ирине и скреплю его кольцом. Посему, думайте о нас в эти выходные, а Вы, несомненно, будете в наших мыслях в этот день и всегда.

В покорности, с уважением и любовью —
Марк”.

“Мама, папа, я влюблена как никогда, на сегодняшний день это уже факт, и наконец-то взаимно! – пишет окрыленная Ирка. – Мне кажется, я нашла то, что искала. С ним мне никогда не будет скучно – вот уже два месяца длится наш роман, а мое чувство не только не притупляется, а напротив, становится всё ярче. Он совершенно необыкновенный,

Единственное, чего я не могу понять, что он во мне нашел. По сравнению с ним я кажусь себе просто какой-то серой мышью. Заглядывать в будущее не хочется, а хочется наслаждаться счастьем, которое, наконец-то, ниспослано мне откуда-то свыше...”

“Любимая моя семья! Не успела я сесть за письмо, как Марк мне, между прочим, заявляет, что он-то письмо вам уже отправил, так что всё самое важное вам уже известно. Я теперь не знаю о чем и писать, тем более что главное событие он планирует на завтра, 30 июня, в свой День Рождения. В этот день мне будет преподнесено кольцо, над которым он колдовал вместе с ювелиром больше трех месяцев. Вот же терпение! Я уже несколько дней не сплю, не ем в ожидании.

...Странно, но теперь, когда у меня есть Марк, я вас люблю и скучаю по вас еще больше. Так хочется делиться с вами своими радостями и обидами, поскольку теперь их в 10 раз больше, чем раньше”.

“Чудо свершилось – тыкva превратилась в карету, мыши в лошадок, а осенняя слякоть в перламутровую раковину.... В Бангкоке гоняла на мотоцикле, ела саранчу и жареных улиток. На побережье Бенгальского залива бороздила коралловые рифы с маской и ластами. А на Новый год мы с Марком собираемся покататься на лыжах в Калифорнийских горах... Боже, за что мне так повезло?..”

“Свадебное путешествие состоялось! Проплыло как сон – по колено в воде, в окружении говорливых итальянцев, узкобедрых гондол, обветшалых дворцов, стай ленивых разъевшихся кошек и пастельных закатов. Решили отныне каждую годовщину нашей свадьбы праздновать в Венеции”.

“Дома никаких перемен – квартиру еще искать не начали – денег нет (еще бы, на рок-фестиваль Марк истратил жуткую сумму). Работы в офисе столько, что вечерами прихожу домой и падаю, а Марк начинает рвать на себе волосы, думая, что я встретила кого-то другого. Просто психа из меня хочет сделать, не говоря уж о том, что самого уже давно пора в Кащенко свезти. И так каждый день. Ни житья, ни покоя, ни книжку почитать, ни телевизор посмотреть – только и доказываю ему, что я не верблюд. Без конца ссоримся, но быстро миримся. Зато когда все хорошо, от любви и восторга хочется бегать по потолку. Так и живем – из огня в полымя и быстрее обратно...”

А через три года:

“В Венецию мы так и не попали. На трехлетнюю годовщину нашей свадьбы (16 марта, если вы помните) Марк пропал на неделю. А потом появился как ни в чем не бывало. Я уже не горю, и не жду, и не прислушиваюсь к телефону. Нет в нем той божьей искры, что сразила меня наповал четыре го-

да тому назад. И живет он, а может, и я тоже, кто ж тут разберет, скорее воспоминаниями о нас или будущим...”

Я даже не знаю, кем был ее Марк – то ли философом, который вскоре “забросил философский камень куда подальше”, то ли фотографом, подающим большие надежды, которым не суждено исполниться.

– Кто он был? – я спросила у Анны Ильиничны, мамы Иры.

– Он был шалопай, – ответила она не раздумывая.

“Чем больше расстояние, отделяющее меня от тех безумных лет, – напишет потом Ира, – тем яснее я вижу качества, за которые я в свое время вознесла его на пьедестал. В нем есть какое-то поступательное движение, в котором интеллект и творческая натура перемешиваются и искрятся, оживляя друг друга. Это совершенно не значит, что с ним можно ужить рядом...”

А между тем там кипели нешуточные страсти, и эта любовь едва не стоила ей жизни.

– Как-то раз мы были в Винчестере в гостях у приятеля Марка – настоящего лорда, – она мне рассказывала. – Мы немного выпили – и не только, ну, и неожиданно разругались с Марком в пух и прах. Я решала какие-то психологические проблемы, мне хотелось подняться над ними в прямом

смысле слова, побежала в парк и залезла на дерево. Отсидевшись на дереве, в полном порядке я стала спускаться. Дальше всё вспоминается вспышками – пунктирно, хотя случилось вмиг, но в памяти запечатлелось замедленно: вот я вижу, как ветка, за которую я схватилась рукой, обламывается, я солдатиком лечу вниз, и мысль отстраненная – *не может быть, чтобы это случилось со мной*. Я лечу, лечу и прямо чувствую – *какое оно высокое, это дерево*. Падаю. Перелом бедра, стрессовая волна по всему позвоночнику, сжатие позвоночных дисков, шейных позвонков... В больнице, куда меня отвезли на “скорой помощи”, мне сразу пообещали, что я не буду ходить, мне светит инвалидная коляска. Но операцию сделали так удачно... Шунты в бедре... Корсет – голубой, сияющий, представляешь, можно выбрать любой – сплошь радужные тона! Что касается шеи – прогноз был, что я окривею, как Серая Шейка. ...Поэтому я теперь боюсь на роликах кататься, – закончила она свой рассказ, я ее позвала на роликах в Ботанический сад, и вот такой получила развернутый ответ.

Дальше месяцы постельного режима, костыли, строжайшая диета, гимнастика.

“Главная новость – я теперь хожу в бассейн. Два раза в неделю. Последний раз проплыла 2,5 км. Почти как в бытность свою на тренировке. После первого заплыва позвоночник у меня просто раскалывался, но, видно, ему это дело пошло на пользу, и чувствует он себя с каждым разом всё

лучше и лучше. На мою последнюю тренировку Марк со мной пристроился. Тут я ему показал, где раки зимуют. Он смотрел на меня влюбленными глазами и даже не пытался угнаться за моей стремительной тенью...”

“...Да, забыла сказать, что я забросила костыли и уже неделю хожу с палочкой. С ней, конечно, не так устойчиво, приходится постепенно привыкать...”

Неясно, письмо, где она “привела в порядок свое запущенное гнездо и сейчас отправляется на *урок конной езды*”, написано до падения с дерева или после? *Боксерской аэробикой* она занялась точно – после. (“Это что-то вроде силовой подготовки с элементами аэробики, танца и бокса. Нагрузка зверская, но ужасно интересно, весело и необычно. Заряд бодрости получаешь такой, что не знаешь потом, куда его девать”.)

“Декабрь как всегда сумасшедший: дни рождения, Рождество, Новый Год. В мой день рождения Марк занес подарок (довольно дурацкий!) и заявил, что у него новая подруга – они вместе едут в Африку... (В Африку! Ведь это я уже сколько лет мечтаю отправиться в Африку, и мы с ним строили планы!!)

Ну ничего, прорвемся. Недаром вы мне прислали такую веселую открытку с изображением цапли, заглатывающей

отчаянно сопротивляющуюся лягушку и подписью «никогда не сдавайся!» А я и не собираюсь. У меня еще всё впереди. Дополню ее своим секретом долголетия: «Всегда улыбайся!». А повод для радости найдется, главное, не просмотреть его за частоколом дней и путаницей дел. Остановить мгновение, которое – пусть не прекрасно, хотя бы симпатично, и зафиксировать его в виде улыбки – не в этом ли всеприятие себя и происходящего? Жизнь продолжается, и, кстати, во многом зависит от меня, как она будет продолжаться. От этой мысли во мне вскипает заряд энергии и надежды”.

Но если Марк и думать забыл про свой философский камень, то Иркин поиск не прекращался ни на минуту:

“За те несколько месяцев, пока лежала в больнице, еще раз на личном примере убедилась, что и палка, и злополучная ветка, и костыль имеют два конца: с одной стороны, через столько пришлось пройти, что не приведи Господь, зато с другой – появилась возможность, о которой мечтают чуть не все в наше занятое время, взять паузу и осмотреться. Вдруг откуда-то нахлынула масса извечных вопросов, типа, куда идешь, зачем идешь, что на этом пути хотелось бы успеть сделать.

Подступил уже тот возраст, когда надо бы копать не в ширину, а в глубину. Не то чтобы я стала суеверной после своего падения, но как-то вдруг мимолетность и призрачность пребывания здесь обрели реальную или, точнее, ирреальную

форму. Чувство это для меня новое, но совсем не удручающее, а напротив, помогающее полнее жить настоящим, а не мучиться страхами о будущем. Никто не знает, сколько ему в этой жизни отмерено, поэтому жить нужно полно и глубоко каждый день, как будто бы он последний, принимая и спокойно исповедуя аксиому нашего земного непостоянства”.

Да и как не начать философски смотреть на свою судьбу, если живешь в Лондоне. Этот город, погруженный в туман, пронизанный светом ночных фонарей, город странников и флибустьеров, поэтов и художников, главный город метрополии, заселенный беглецами из черных колоний, почти каждый здесь – чужак и приезжий, ищущий призрачного счастья. Что толкает людей то сходиться, то разбежаться в разные стороны – изменчивость контуров площадей и улиц, быстрая смена погоды: то дождь, то солнце, недоверие к людям с материка?

Расставшись с Марком, она сняла квартиру, потом еще одну, красила стены в ультрамариновый жизнерадостный цвет и покупала, покупала книги.

“Наконец-то появилось больше времени читать не только по работе. На столе – пирамида интереснейших книг, в которую я потихоньку начала вгрызаться. Вот-вот совсем в ней закопаюсь. Мало что сравнится с походом в книжный магазин, где меньше двух часов я никогда не провожу, когда

можно всласть порыться среди знакомых, а большей частью еще не знакомых авторов. Очень много читаю, в том числе современную английскую прозу, о которой в России не слышали. Целая армия мыслящих талантливых людей творит достойную литературу. Глазами я бы всё купила, благо подобный выбор в Москве еще не один десяток лет будет только сниться. А потом пойти в кофейню – мое любимое полубогемное кафе, меня там уже знают как облупленную, и листать только что купленные книги вперемешку с маленькими глотками капучино...”

Я привожу отрывки из ее писем, как образцы не только эпистолярного жанра, но – живой и современной художественной прозы, с особым ритмом, тоном, интонацией, окрашивающей любой текст Иры, превращая его в рассказ об удаче.

“На хорошее письмо четыре-пять часов (с паузами) как отдай, но мне для вас ничего не жалко. Для долгого спокойного разговора нужна свежая голова и время. Зато после остается такое хорошее чувство. А еще я хочу, чтобы вы воспринимали меня не только как свое кровное чадо, но и как самостоятельный кусочек жизни, который пульсирует то быстрее, то медленнее, но не зазря, и не просто так...”

Однажды, после всех ее любовных неурядиц, как в сказке,

на горизонте появился богатый русский бизнесмен (читай, царевич!), готовый ради нашей Ирки на всё. Я этой истории не слышала от нее, рассказываю рассказанное родителями.

...и увез ее из Лондона.

— Куда ж я поеду, — она отступала на попятный, — гляди, у меня сколько... книг!

Тогда он снарядил корабль, упаковал все книги, скопившиеся у нее за годы жизни в Англии (так и вижу вереницу малайцев, несущих по трапу пачки книжек на голове), и на своей каравелле, а может, на ковре-самолете, доставил ее с поклажей в Москву — к неопишуемой радости Анны Ильиничны и Евгения Августовича (которые, как ни старались, так и не вспомнили имени этого благородного мистера Икс).

Напрасно он предлагал ей руку и сердце и двухэтажную квартиру на Остоженке, зря Аня с Женей вздохнули с облегчением, мол, дочь вошла в тихую гавань, обрела личное счастье, это был совершенно не ее вариант. Не выходило у нее голливудского хэппи-энда, она была режиссером артхауса своей жизни и вечным путником, следующим по неведомым орбитам.

Что удивительно, очередная съемная квартира у нее оказалась в доме, на крыше которого Лёня построил себе мастерскую, так называемую Поднебесную, где всё под рукой, что нужно художнику и поэту, всё рядом: луна, звезды, ветер, белый снег. Зимой, когда заснеженные улицы становятся черными от машин, Поднебесная Тишкова долго сохра-

няет белизну, разрисованную следами от его лыж.

Как-то летом Лёня выбрался на крышу проведать свое небесное воинство, глянул вниз на спины белых голубей, их кто-то, неразличимый, гонял далеко вниз, и увидел на зеленой лужайке бульвара странное существо в ярких одеждах, колдовавшее над неясной конструкцией – то ли оленем, то ли деревом, он не понял.

По бульвару шли прохожие, в серых одеждах, сутулые, в руках сумки, пробегали дети, на секунду они останавливались и глазели на художника, именно так и подумал Лёня, что это был художник: он плавно водил по воздуху рукой, и перед ним разгоралось золотое нечто.

В этом было такое несоответствие месту – по странности жестов, по цветовой гамме, подобного никогда за Чертановым не замечали! И только спустя несколько дней тайна разрешилась: в соседней мастерской под крышей Поднебесной поселилась Мелдрис, и прямо на бульваре из проволоки, бумаги и других материалов она создавала ангела, раскрашивая его золотым спреем.

Вскоре Ира навестила Лёню со своим приятелем Эндрю, голубоглазым, кучерявым диджеем из Гоа. Они принесли бутылку бордо, сыр, удобно расположились на крыше и беседовали под небом голубым обо всём на свете, провожали солнце.

Там же, во дворе, однажды осенью я увидела ее припар-

кованный желтенький “пежо” и написала на опавшем кленовом листе шариковой ручкой:

“Позвони мне, позвони...”

Шел дождь, и я прилепила его к лобовому стеклу.

Она позвонила.

С юности, если меня сильно впечатлял какой-то человек, я садилась и год-другой вязала ему свитер. За мою жизнь таких экземпляров набралось около двадцати; как правило, это экстраординарные личности, в основном мужчины, Ирка была одной из немногих женщин – после мамы. Она придумала себе золотого Дракона в пылающем небе над облаками.

В день рождения – по обыкновенной почте мне пришла от нее открытка:

*“Дракон – это закон неба,
Который гласит: Каждый,
Кто может летать, оберегая
Тех, кто пока пешком,
Пусть делает это ВСЕГДА”.*

Думаю, книги, которые она отыскивала, переводила или редактировала, становясь для них проводником и тропинкой к читателю, были ариями из этой же оперы.

“Блаженствую с Босоногим доком, – я ей писала в апреле 2010 года. – Какая важная, нужная книга, какой подарок блуждающему в потемках собственных недр человечеству!

Вот что надо изучать в школе с первых дней, а не Закон Божий – с его заведомым, отнюдь не peaceful, разделением на конфессии и национальности. Словечки, фразы, а интонация! Веселый дух, которым пронизано всё и вся! Оказывается, достаточно потереть с утра коленки – чтобы весь день чувствовать себя счастливым? А до чего прозвучала глубоко и звонко глава об Инь и Ян. «Вместе вы сила, а порознь могила» – сама сочинила?

Высокая поэзия!

Джефф Дайер ждет своей очереди.

Счастливой поездки, внимательней будь...

Как раз незадолго до этого Ирку обворовали, и где?! На просветляющем пятиритмовом танце у Ричарда Ланга. Я ее пригласила, честь по чести, как говорила моя Люся, надо общаться письмами, а встречаясь – только танцевать! Несколько часов мы отплясывали с ней кто во что горазд, и буквально в момент нашего наивысшего духовного подъема какой-то, видимо, не до конца освоивший “Дхаммападу” искатель истины пробрался в раздевалку и вытащил из огромной Иркиной кошелки, распахнутой всем ветрам посреди гардероба – и яблоки там, и что угодно для души, всё это манит, и каждый может выбирать на свой вкус, – мобильный телефон и кошелек.

– Ты представляешь, – утешала я ее на обратном пути, – когда придет его время пробуждения – как запыхают уши у

него?

“Одна нога там, другая тут, – отвечала мне Ирка. – А наш с доком духоподъемный голос – ты его почувствовала? Я так долго возилась с переводом, чтобы всё то, о чем ты говоришь, не растерять, а, наоборот, усилить – очень уж он живо пишет, но по-взрослому, без панибратства. В этом смысле вы с ним чем-то схожи. Кажется, всё просто – но лишь для тех, у кого всего два глаза. Но нам-то, многоглазым, сразу видно, сколько за этим *всего* стоит, лежит и сверкает!!

Жалко только, что обе книжки я вам забыла подписать от имени двух мужчин моей мечты (примерно фифти-фифти). Вернее, никак не могла к себе прислушаться: люди вокруг порой так отвлекают, я решила, что прямо при вас подпишу. Но увидела Лёнину Луну в Париже и обо всём забыла! А уж после глоточка твоего чудесного напитка забыла не только то, что было, но и то, что будет. Поэтому как только окажусь в начале лета у тебя в гостях (я так за нас за всех решила!), то сразу же, надеюсь, полюбившиеся вам книжки – подпишу.

Шлю тебе отрывок из своей следующей книги про 2012, которая называется “Время Прыжка”, я тебе о ней рассказывала вчера. Это настоящее *чудо*.

Обнимаю вас с Лёней руками своих английских френдов – с Босоногим я давно знакома, а с Дайером надеюсь тоже вскоре задружиться.

Ждите меня в начале мая с рассказами о прекрасном Альбионе.

Буду очень и очень внимательной, чтоб все успеть и ничего не забыть))))))

И!!!”

“Босоногий доктор” и другие уникамы с ее легкой руки увидели свет уже в издательстве “Рипол Классик”. Сергей Макаренков выдал карт-бланш Вавилову и Мелдрис на путеводные книги, которые в России еще никто не переводил и не издавал.

Сам Макаренков – известный апологет духовного развития, искатель нехоженных дорог – в своем издательстве не только насаждал психологические практики, но также основал театр из сотрудников, пригласил режиссера, учителя фехтования и актерского мастерства. Всё это обернулось эксклюзивным представлением в театре на Страстном бульваре по пьесе Григория Горина “Однажды в Вероне” – о том, как развивались события после гибели Ромео и Джульетты, – с декорациями, роскошными костюмами, при полном зрительном зале, восторге и аплодисментах. Директор издательства играл короля, Олег Вавилов исполнил роль негоцианта Доджия, а наш Серёжа – интригана Бенволио.

Ох, какой выдался счастливый вечерок! Тем более прямо передо мной в первом ряду маячил Иркин затылок. Он мне добавлял драйва. Наша семья заняла чуть не весь второй ряд. Еще бы! На протяжении нескольких месяцев мы почти не видели сына, а дети – отца. В ночь-полночь он являлся с ежевечерних репетиций, а также серьезных занятий по фех-

тованию, всё это после рабочего дня, и в праздники, и в выходные – сплошь посвященные служению Мнемозине.

Зато когда он возник на авансцене в голубом камзоле, шляпе, ботфортах, со шпагой на боку, и глава Монтекки – сам Макаренков – сказал ему:

– Бенволио! Когда я умру, то передам тебе всю мою власть и деньги!

Сергей кивнул, довольный, потирая ладони.

– ...но умру я нескоро! – добавил Макаренков-Монтекки.

Сергей соорудил такую физиономию, что зал покотился со смеху.

Правда, семья, включая дедушку, очень переживала, что по роли наш мальчик в ночной потасовке наносит Антонио удар в спину с последующей репликой несчастного: “Ах, храбрецы! Мерзавцы! В спину!..”

Нас обуревали противоречивые чувства: волнение, радость... и надежда – чем черт не шутит, может, обойдется, и этот злополучный удар в спину удастся миновать? В результате в пылу преследования рапира воинственного Бенволио была слегка занижена в полете, так что укол пришелся герою-любовнику точно в ягодицу.

– Нет, ну каково? – возмущался директор по продажам Витя Левченко, блистательный исполнитель роли Антонио. – Тишков мне как дал по заднице! У меня дальше реплика: “Ах, храбрецы! Мерзавцы! В спину!..” А меня такой смех разобрал! Я хохочу – не могу остановиться. Еле взял себя в

руки!

“...Как приятно было сидеть перед тобой, не страшась ни чумы, ни сверкавших перед самым носом шпаг, и наблюдать захватывающие издательские страсти – совсем как в жизни! Совсем как у Шекспира! – писала мне Ирка после эпохального действия в театре на Страстном. – Представляю, что испытывала ты, когда твоя родная кровь и плоть произносила монологи и обнажала клинок! Говорят, гордость – это то, от чего собственное эго надо отучать и пряником, и бубликом, и даже шлепком, но, по-моему, бывают такие моменты, когда ее должно быть много, и она должна быть написана не где-то, а прям на лице...”

Каждая наша встреча была сродни фейерверку, который она проморгала тогда на мосту над Темзой, мы широко и подробно праздновали жизнь, не омрачая миг довольно редкого свидания житейскими невзгодами. Общение с Иркой – особое удовольствие: всё светится вокруг, мерцает, материя в ее случае недвусмысленно подтверждала свою иллюзорность, а ликование в чистом виде – свою единственную реальность.

Народ вокруг чувствовал это, по-своему реагировал: заходим в грузинский ресторанчик, там звучит песня: “Постой, паровоз, не стучите, колеса...” Хозяин увидел нас и сменил пластинку, поставил красивое хоровое грузинское песнопение.

ние. Такую проявил душевную тонкость.

“Легкое верно”, сказал Чжуан-цзы, но это вторая половина изречения. До этого “легкого” большой путь, “легкое” надо выстрадать.

Жизнь ее с детства была ареной борьбы телесности и духа, может, это путь воспитания внутреннего дракона, не по своей воле выбранный. Уже в юности стало садиться зрение, всё утонуло в тумане, после операции в клинике Федорова мир открылся ей в ясности и красочности, и еще долго жизнь казалась сказочным театром, который удивляет и приносит сюрпризы на каждом шагу.

Года не проходило, чтобы с ней что-нибудь не приключилось – “но я, несмотря на очередное небольшое фиаско, бодрa, весела и ужасно энергична...”

“После месяца бобово-углеводной диеты летаю туда-сюда как на крыльях. Встаю в шесть утра, и понеслась. Тонус такой влюбленности, но не в кого-то, а в ощущение себя бодрой, уверенной и чертовски привлекательной. Все в один голос это утверждают, при этом упирают на цветущий здоровый вид и ту энергию, которую он излучает...”

Неимоверными усилиями отремонтировав “костяк”, она полностью восстановила движение, и не простое, а ту неподражаемую пластику, которая позволяла ей идти, почти не касаясь Земли, и знай себе танцевать без усталости на протяжении пяти-шести-семи часов под звездами Сахары или Калахари,

Чиуауа, плато Колорадо – я совсем запуталась в ее марш-маневрах. Более того, она мечтала открыть собственную школу танца, раскрывающего внутренний космос, ибо знала секрет, как преодолеть узость наших границ.

Однако прием антибиотиков после чреды операций повлек за собой строжайшую диету; но как это преподносится!

“Теперь о здоровье – тема, давно набившая оскомину. Кто будет говорить, что я ничего не ем, – не верьте. Просто я исключила из рациона все виды сахара, белой муки и риса, продуктов с добавлением дрожжей и тех, на которых образуется плесень, а также кофе, сыра, грибов, алкоголя, уксуса и т. д. А что же тогда можно? Любую рыбу и мясо, только не копченые, а свежие. Почти все овощи и салаты. Можно есть содовый ржаной хлеб, дикий рис, гречневую кашу (пришлите мне со следующей оказией пару килограмм, а то я купила китайскую гречку, так она после трех минут варки превратилась в прогорклую размазню – что с них взять, с китайцев), оливковое и сливочное масло, живой натуральный йогурт и творог, орехи – но в скорлупе, когда они хранятся в очищенном виде, на них образуются невидимые грибки плесени. То же, к моему великому сожалению – и на сухофруктах. Чай, кофе, соки – нельзя, зато минеральную воду негазированную – в любых количествах. Из травяных и популярных здесь фруктовых чаев – только ромашковый. А также три раза в день – сок алоэ и ампулы с дружелюбной

бактерией, которая вселяется на место вредителя.

Так что прошу за меня не волноваться: ем за троих, поскольку в отсутствие сахара организм бунтует. Ведь сахар-то как раз и есть основное топливо для кандиды – бактерии, которая живет в любом организме, но вырвавшись из-под контроля хотя бы раз, она становится неуправляемой...”

Профессор! Она бы диссертацию защитила, если б хотела, о мириадах систем самооздоровления, дыхательной гимнастике, йоге, о диетах – очищающих, воскрешающих, возносящих на высшие уровни сознания...

Сколько книжек на эти животрепещущие темы могло бы выйти из-под ее пера, как ярко, живо, колоритно они были бы написаны.

Глушить ромашку, запивая соком алоэ, закусывая дружелюбной бактерией – да тут кто хочешь потонет в меланхолии. А она нет, просит Аню с Женей прислать ей семечек нечищенных, подсолнечных и тыквенных, лучше не поджаренных, и – как-нибудь на будущее – книжку “Зияющие высоты”, автор, кажется, Зиновьев...

...Я охраняю себя в телесности, блюду себя в слове, я умерен в пище, я ведаю истину и ею выпалываю плевелы, любовь мое избавление...

Оставаясь текучей как вода и твердой как камень, она про-

должала борьбу, не снижая полета.

“Вот уже месяц как я вернулась из Нью-Йорка. Всего месяц, а кажется, что я там была пару лет назад. Время бежит просто страшно. Гляжу на себя как будто со стороны и спрашиваю непонятно кого – что, вот это и есть моя жизнь? И это время я потом буду вспоминать как свою молодость? Не то чтобы я ею недовольна по большому счету – уж мне-то грех жаловаться. Просто жадная натура Стрельца хочет всё время чего-то еще – новых событий и ощущений каждый день, постоянного разнообразия. Отсюда порой чувство неудовлетворенности, перепады настроения. В такие минуты привожу себя в чувство тем, что оглядываюсь по сторонам и вижу, что 95 процентов людей живет в сто раз скучнее и бесцельнее, чем я. И так жить я уже не смогу, да и не буду, что бы ни случилось...”

“Жизнь большинства людей представляет собой лишь беспорядочные попытки бороться за выживание и предаваться развлечениям до самой смерти. Как будто они родились пьяными, а умерли слепыми. Лишь немногие ищут способа покинуть этот мир лучше, чем пришли в него. Очень грустно, что так мало людей набирается храбрости или мудрости выйти за пределы старости болезней и смерти”, – наставляла меня Белая тигрица из Иркиной книжки.

Сама же Ирка – вооруженная пистолетом, заряженным

разноцветными мыльными пузырями, – являлась к нам в Зябликово, излучая могучие электрические потоки, пронизывающие весь мир, все существа и вещи этого мира, с марципановым кексом, пудингом, банановым пирогом в виде сердца или огромнейшей пламенеющей тыквой, как она ее притаранила, мать честная!

Я подарила ей свой роман “Гений безответной любви”, там на обложке летит ангел, нарисованный Лёней.

Она сказала:

– Меня окружают ангелы – с тех пор, как я поняла, что уже не вернусь на землю человеком. Дальше я буду ангелом.

И тут же – среди общего веселья – выяснилось, будто невзначай, что у нее иммунитет сейчас на нуле. А заодно и гормональный фон.

– Ты представляешь? – она повторила удивленно. – Гормоны – на нуле!

Потом начало слабеть зрение.

Когда мы встретились в очередной раз, я позвала ее гулять на Винзавод, а перед тем мы заглянули в “Uniglo” приобрести мне стеганый жилет, я собиралась выступить в Норильске, – она сказала, что один глаз у нее совсем не видит, при этом как ни в чем не бывало придирчиво осматривая жилеты, взвешивая “за” и “против”.

Тут у нее зазвонил телефон:

– Ало? А кто это? Да, помню, но очень давно не общались. А где мы виделись последний раз, напомни мне? Что

я делаю? Да вот – с одной прекрасной дамой примеряем наряды...

Одновременно с этим монологом я деловито напяливаю жилет за жилетом и перед ней выписываю кренделя, а она, как художник перед холстом, вытянув точеную длань, крутит головой отрицательно:

– Ой, сними. Этот – тоже не очень, может, во-он тот, серебристо-золотой? О! В нем ты будешь современно смотреться...

– Да? – я спрашиваю с надеждой. – Современно?

– Ну, так. В меру, – отвечает Ирка, продолжая разговор с таинственным едва припоминаемым собеседником. – Сейчас? Мы собрались на вернисаж. Завтра – я занята. Неважно, увидимся когда-нибудь...

На выставке, посвященной синему цвету, где мы совершенно растворились в сини, смотрю – идет писатель и артист Олег Шишкин, автор скандальной книги “Битва за Гималаи”, в которой назвал Николая Рериха и его спутников тайными агентами Кремля. Увидев Иру, он из меланхолического фланёра превратился в бретёра, кавалера и блестящего рассказчика. Начал с того, что синий цвет символизирует страх и ужас, у французов даже есть такое выражение “синий ужас”, сыпал афоризмами, рассказывал, что написал книгу про инопланетянина Алёшечку с Урала, короче, всячески старался привлечь ее внимание и благосклонность, дабы это прекрасное видение не растаяло в синей дымке. В ней он на-

шел, наконец, лучшего своего слушателя и единомышленника, очарованного чудесами и необъяснимыми явлениями, ... почти не различающую его лица, напрочь лишенную эстрогенов и иммунитета... А что было бы, повстречай Шишкин ее – когда она писала мне:

“Мариша! Я вернулась! С далеких островов – таких магических, что я впервые в жизни влюбилась не в ковбоя, не в диджея, а в пространство! Оооо, это невозможно описать словами, поэтому я буду рассказывать тебе об этих лунных далях и марсианских ландшафтах живьем, во всех подробностях – но, в то же время, очень лаконично, потому что это мир такой изысканной, буквально трансцендентной простоты и пустоты, что слова мои там, может, вовсе не нужны, и я буду описывать тебе свою поездку просто разводя руками – широко-широко, как на этом поздравительном снимке в последний день прошлого года.

Желаю тебе и Лёне, а также Серёже и всей его уже немаленькой семье много прекрасных мгновений в горячих объятиях жизни! Всегда неожиданных, всегда подарочных и чаще всего переходных – из года в год, с ветки ни ветку... прыг – и прямо в космос!

Словом, жди – примчусь, где бы ты ни была, поделиться невыразимым!

Твой пламенный драконец”.

С ветки на ветку... Любимый и драматический образ роста, возносящий поток, когда ты настраиваешься на что-то безбрежное и такое личное, и тебе выходят навстречу те люди, которые должны выйти, и происходят какие-то события, которые приведут к еще большим чудесам. Как все эти фрагменты складываются в единую картину, и видишь, черт возьми, что ни один – не лишний, что мы никогда не знаем целого, поэтому куда бы ты ни шел – Ира понимала это как никто, – иди танцуй...

“Потенциал накапливается, и достаточно неординарный, я не застряла на месте, а продвигаюсь в своем интеллектуальном и творческом развитии, и знаю, что продвинусь еще дальше, если только какие-нибудь трагические обстоятельства, тьфу-тьфу, не помешают этому движению...”

До последнего она готова была учиться – и совершенно искренне возмущалась, почему я не желаю осваивать автомобильное вождение, когда моей Люсе, как ветерану войны, мэрия Москвы готовилась преподнести “Оку”.

– Ведь учиться всегда хорошо, – заявляла Мелдрис, – ...неважно чему.

Хотя:

– Этот учитель мне не понравился, – она говорила про одного популярного гуру. – Он всё время чистится. И твердит всем и каждому: “надо постоянно очищаться”. А если я

не ощущаю в себе никакой грязи? Нет-нет, мне с ним совершенно не по пути!

Однажды я ей рассказала про нашего с Костей Кравчуком друга Стаса, мастера медитации, он решил создать эзотерическую школу, но ума не приложит – с чего начать.

– Знаешь, – мне говорил Стас, – я вот думаю, может, мне явиться в какое-нибудь людное место, сесть и медитировать? И табличку поставить: “Курсы медитации”. Только бы меня в милицию не забрали...

– И ботинки не украли...

– Или поехать в другой город, например, в Ярославль. Там нет такого обилия учителей, прочитаю им лекцию об НЛО, проведу курс медитации...

Он даже составил тщательный план действий, который прислал мне для ознакомления.

“Вступая в мир самопознания, эзотерики, сверхъестественного, аномального, – писал он пока абсолютно неведомой гипотетической аудитории, – может быть весьма полезно из первых рук получить представление о том, что совершенно очевидно людям, давно идущим по пути и имеющим реальный опыт в этой сфере. Узнать, что важно и реально, а что вымышленное, наносное. Узнать о возможных опасностях, ловушках и препятствиях. Научиться ориентироваться в пути. Получить навыки, позволяющие самостоятельно продвигаться вперед или стать достойными и интересными для высших учителей...”

В процессе обучения, – обещал Стас, – вы познакомитесь с накопленным человечеством практиками и техниками развития психического потенциала, рассмотрите основные блоки, мешающие развитию психики, освоите методы работы с телом и принципы самоисцеления. Будет освещен широкий круг явлений аномального, непознанного и паранормального, причем лекционная работа будет сочетаться с практическими занятиями. Главной целью обучения является то, что слушатель получит инструменты развития и сможет независимо от кого-либо самостоятельно развиваться в этой сфере...

Руководитель школы Станислав занимается саморазвитием с самого детства и, возможно, не первую жизнь, имеет глубокий и невероятный опыт, о чем будет рассказано на вступительной встрече”.

Ирка загорелась. И хотя я рассказывала о нем по воспоминаниям двадцатипятилетней давности, она с пол-оборота завелась оказать ему содействие в организации эзотерической школы, устроить бенефис в “Белых облаках” и, конечно, стать в этой школе первой ученицей.

“Скорей встречаться на троих – а дальше больше! – писала она мне. – Я побежала дергать предпоследний зуб – думаю, пару дней после этого отлежусь, а потом – в четверг или пятницу давайте увидимся (хоть я и нервничаю, как в преддверии чего-то крайне важного)”.

“Значит, звать джинна из бутылки?” – я спрашивала осторожно.

“Выдрала-таки колченогого! Теперь можно смело тереть лампу – на четверг после обеда или на пятницу. До дыр!”

Внезапно Стас заартачился встречаться с Иркой. Во-первых, надо было выходить из дома, что для него смолоду было проблемой. Второе – с кем-то там знакомиться. Это большой и чаще всего не оправданный ничем душевный труд. Потом он стал терзать меня вопросом: “А чего она хочет, эта женщина?” И апофеоз – он оказался вдруг во власти страшного заблуждения, что я ему предлагаю спонсора. И хотя мой друг был совершенно на нуле, буквально нечем заплатить за квартиру, он гордо отвечал:

“Не думаю, что тут нужны спонсоры.

Нужны просто слушатели.

Я не знаю, зачем спонсоры, если не будет слушателей...

Я не понимаю, зачем спонсоры, если слушатели будут.

Что я скажу твоей подруге? Какой я хороший?

Мне просто нужны слушатели.

Объясни, зачем ты хочешь нас познакомить?”

– Какие спонсоры??? – вскричала я. – Когда речь идет исключительно об ангажементе!

Этот разговор подвиг меня на то, чтобы немедленно

предоставить нашей грядущей эзотерической школе самостоятельно двигаться по своим таинственным и неведомым путям, о чем я и предупредила Ирку, признавшись, что не готова тащить из болота бегемота – как-то силы уже не те, и давно иссяк запал.

– Всё понятно, – сказала Мелдрис. – Винни-Пух застрял в дупле! Знаний внутри скопилось – как меду, так много, что они не пускают его на белый свет. Ладно, будем ждать, пока природа не возьмет свое. И если Пуху суждено постройнеть, а бегемоту пронырнуть в игольное ушко, это обязательно случится. Куда нам торопиться? Подождем.

4 декабря 2013 года она ответила на мое поздравление с днем рождения:

“Мариша спасибо за лучезарную весточку в мой еще один здесь первый день!
Пошла на новый виток! Вместе с вами,
мелким снежком за окном и стойкой
зыбких роз на кухне. И, кстати, Стас объявился)
Поговорила с ним, едва дыша, по-моему, успешно”.

Оказывается, Стас выразил готовность обсудить порядок организации его ознакомительной встречи с публикой, но только в письменной форме или по телефону. Что ж, она позвонила ему, и целый час они разговаривали по мобильнику. Он сразу ей поставил на вид, что надеется на крупный гоно-

рар и толпу народа. И встречно вывесил на сайте агитку для своего семинара – столь мелким почерком, что невооруженным глазом не прочтешь.

С помощью лупы мы всё подробно изучили и сделали несколько замечаний стратегического характера. Например, там была такая фраза: “Здесь не обещают никаких небесных благ и тем более не требуют ничего за это”. Первая и вторая части, нам показалось, противоречащими одна другой, и потом – как это “не требуют”? Может показаться, что лекции бесплатно. А мы уже высчитывали, почем одно занятие, сколько просить за курс, какую мзду вынь да положи за аренду помещения – чтобы овчинка стоила выделки и наш директор школы остался в прибыли и не позабыл о хлопотах продюсера.

Кстати, хлопот был полон рот.

“Мариша, если бы ты знала, с каким трудом мне удалось вытрясти из твоего гуру фотографию. Сначала он прислал мне фото юного красавца с пышными усами. Я спросила: это вы сейчас такой? Он ответил: с юности я совсем не изменился, только поседел и пополнил. Нет, я сказала, давайте современный портрет. Он специально пошел и сфотографировался. Такими темпами, глядишь, через год-другой мы и анонс для его Школы сваяем))”.

Лёня предложил снять с ним видеоролик. Ира очень обрадовалась, но спросила:

– А кто будет снимать?

– Только не я, – ответил Лёня.

Как раз в это время какой-то большой кусок плазмы от Солнца полетел к Земле, сказали, если бы на двадцать часов раньше – то вообще неизвестно что было бы, а так, может, он пройдет по касательной. Плюс началось последнее в этом году солнечное затмение, принадлежавшее к редкому гибриднему типу, когда наблюдается то полное, то – кольцеобразное затмение. Лунная тень упала на земную поверхность и давай бороздить Атлантический океан, дрейфуя к берегам Африки, пересекая Габон в тот самый момент, когда у нас полным ходом шла подготовка к бенефису под кодовым названием “Школа безграничного света”.

Видимо, по этой причине стал глючить мой телефон Nokia, четверть века служивший мне верой и правдой. (“Что? У тебя? Мобильный телефон? – воскликнул Стас. – Будда бы в гробу перевернулся, если бы об этом услышал...”) Под влиянием взбудораженных атмосфер мой потрепанный телефончик сперва сам позвонил Стасу, потом сам позвонил мне от имени Иры, а когда я взяла трубку – сбросил ее собеседницу и подключил к ней меня. Лёня мрачно предположил, что мой телефон “прослушивают”.

И добавил:

– Представляю, сколько этим людям приходится выслушивать разной ерунды.

Что предвещали нам астрономические катаклизмы – полное фиаско или, наоборот, наш претендент в институцию гу-

ру станет прославленным Учителем мира и добра, с тысячами преданных по всему миру, толпящихся у его ног, – оставалось только догадываться.

– Кстати, вход на лекцию будет недешевым, – предупредил мой старый друг. – Но с вас с Ириной я денег брать не смогу.

– Ну, – ответила я, – тогда желаю, чтобы там оказался и кто-то еще, с кого ты *сможешь* их взять...

Опасаясь, что в случае чего на меня посыплются все шишки, я ретировалась в Переделкино и издалека наблюдала за разворачивающимися событиями.

На дворе стояли трескучие морозы, как известно любому организатору, это не слишком способствует сбору публики на мероприятие.

“Ты уже в Переделкино? – спрашивала Ирка. – В сияющей морозной пустоте? И мы тоже в ней же. (Ой, у вас там, наверно, снегу! Ты копи его для меня, не разбрасывай, чтобы, когда я наконец до тебя доберусь, было нам раздолье и лыжня!)”

В субботу уже бенефис в “Облаках”, а приглашенные куда-то попрятались и робко-робко позванивают по человеку в день. Может, конечно, они хотят нас взять сюрпризом, но какой-то он подозрительный получается, и даже может стать, что выйдет не сюрприз, а конфуз. Одним словом, вот ссылка на страничку “Белых Облаков” для твоих многочисленных

учеников и поклонников. Уверена, что если ты скажешь им попутно хотя бы пару слов из тех, что ты мне осенью про нашего мастера говорила, то нас буквально захлестнет толпа энтузиастов. К тому же я устроила *платную* рассылку.

Целую —

почти уже эзотерически...”

“Значит, сколько человек записалось? — я интересовалась деловито. — Пятеро есть? Или всё-таки шесть-семь?”

“Примерно пять-шесть. Боюсь, как бы эти пятеро, посмотрев друг на друга в субботу, не усомнились и не убьели малодушно еще до начала *чудес*. Навеки, я думаю, Стас опечалится, если его дебют прозвучит вхолостую. Уже заранее на всякий случай за него тревожусь. Жду от тебя пару строчек про Стаса... и буду держать тебя в курсе наших школьных дел”.

Я долго и тщательно работала над текстом, и вот что у меня получилось:

“Когда-то в своей авторской программе на радио я любила рассказывать притчи о поисках истины, о просветлении, о том, что мир это божественная игра — Лила, что мы несем в себе сокровища, о которых не подозреваем, а Вселенная — это крошечный островок внутри каждого из нас, что мы бескрайни и вечны, а смерть — лишь маленький эпизод в нашем бесконечном странствии по жизни.

Я рассказывала, пела и танцевала об этом на протяжении многих лет, пока мне не пришло письмо:

«Привет, Марина! Хорошо бы тебе самой узнать то, о чем ты говоришь. Тогда это будет *весть*, а так – только информация».

Стас преподавал мне бесценный урок. Он учил меня главным вещам, в двух словах – это реплика Будды:

«Ты должен быть сам светом для себя».

Но суть учения, которое получаешь, общаясь с этим человеком, в словах невыразима”.

– Отличный текст! – радовалась Ирка. – Я вставлю его в свое обращение к друзьям, как алмаз в самодельную, из картонки, корону.

Тут надо заметить, она прямо и твердо советовала Стасу не рассказывать *ничего* из того, что он собирался поведать публике. Ни – какой он был необыкновенный ребенок, ни про инопланетян, ни – что он остановил растущую Кундалини, а также настоятельно призывала его не козырять своими посещениями секции йоги в девяностые годы...

– Понимаешь, – она мне пространно намекала, – вы со своим волшебным другом немного замоховели. И если тебя еще как-то спасает новый жилет, то ему – я даже не знаю, на что опереться...

Перед бенефисом она его спросила: вы волнуетесь? Он

ответил: “нет”, предстал перед собравшимися (в двадцатиградусный мороз она таки наполнила аудиторию!) и выступил с речью, которую ему ни в коем случае не рекомендовалось оглашать. Подыскивая единственное нужное слово, Стас делал большие паузы, листал свою электронную книжечку, публика, молча, ждала, только буравила взглядами устроительницу... И пока тень луны перебралась из Уганды в Кению, ну просто всю пробуравили... Хотя там сидели сплошь свои люди, в том числе достойнейший Евгений Августович Мелдрис, готовый поддержать взбалмошную дочь в любой, самой невероятной аванюре, Иркина тетя, Вавилов и другие друзья и близкие родственники.

– Мы терпеливо ждали: вот-вот он уже что-то соберется и расскажет, – она оповещала меня на другой день. – Вот-вот, вот-вот-вот... Но нет. Полтора часа длилось это мучение. Наконец, докладчик спросил: будут ли вопросы? Вопросов не последовало. Он сказал: тогда я вам расскажу о природе ума...

В общем, когда было предложено записаться в группу, кроме самой Иры записался один-единственный человек, да и тот при ближайшем рассмотрении оказался “от Олега”.

Остальные потянулись к выходу. Неожиданная подруга Станислава сняла выступление на видео: “Вот, – говорит, – посмотрите, какие были ошибки и недочеты...”

– К счастью, Макаренков пригласил меня на современный балет, – сказала Ира. – И я убежала. Успела. Немного разве-

ялась. Но сегодня – уже в десять утра! – позвонил твой друг и спросил: что мы будем дальше делать? Знаешь, если бы такое случилось со мной, я бы влезла под кровать и недели две просидела за плинтусом, а он – ничего подобного! Ну, ладно, – вздохнула она, – в конце концов, надо же человеку дать шанс. Мы-то с тобой видим, что у него в глазах бездна, только он не оратор.

– А я тебе говорила, что он человек дела, а не мастер слова! – заметила я.

– Это не его неудача, а слушателей, – вмешался вдруг в разговор Лёня. – Просто люди пока еще не готовы иметь дело *с настоящим просветленным*.

На что Ира ответила бодро:

– А мы и не собираемся опускать руки! Со временем снова что-нибудь организуем, только уже более целенаправленное, – предварительно послушав, что Станислав собирается сообщить публике...

Как чайка Джонатан, она пыталась пролетать сквозь скалы. Иногда ей это удавалось. Однажды я купила два билета на медитацию монахов из тибетского монастыря Гьюмед, поющих в стиле гюке, в точности воспроизводя гул сорвавшейся снежной лавины... Нет, вру, на этот раз монахи были из монастыря Гьюто, поющие в стиле дзоке, который сравнивают с ревом могучих яков.

Ира сказала, что очень хочет, но не может, и я пригласи-

ла свою ученицу, Юлю Говорову, которая, покинув столицу, обосновалась в Пушкинских Горах и там устроилась работать в частном зоопарке-лечебнице, спасать зверей, попавших в переплет, шлет мне оттуда удивительные письма, из крошечного осиротевшего волчонка вырастила королевскую волчицу, та ее “приняла в стаю”, история их дружбы сильно волновала Ирку, равнодушную к дикой природе.

Предстояла медитация *на преодоление препятствий*, что для Иры имело особую притягательность, учитывая ее самочувствие и другие жизненные факторы. Но нет так нет. 24 февраля 2014 года мы пришли с Юлькой в театр на Сретенке, публика стихла, того гляди на сцене появятся буддийские монахи, запоют яки, зазвонят колокольцы, мы на первом ряду, считай в их священных рядах, волнительный момент.

Вдруг с галерки кто-то произнес театральным шепотом:
– МАРИНА МОСКВИНА!

Я подняла голову, ища знакомое лицо, и, не найдя, всё еще приветливо посматривала вверх, привыкшая общаться с незнакомыми людьми. В самом деле, совершенно незнакомый человек, опасно свесившись через бортик, прошептал, обращаясь ко всем сразу и ни к кому конкретно:

– Вас ждет Ирина на входе.

Я выбежала в фойе и увидела ее в предбаннике.

В кассе билеты проданы, у моих с Юлькой – оторван контроль.

На глазах непоколебимой контролерши я протянула ей

свой билет. Ирка предъявила его и прошла. Я так и не поняла, с какой стати ее пропустили по моему использованному билету.

В любимой позе, скрестив ноги, с прямой спиной она сидела на подушке, и снова передо мной был ее трогательный детский затылок, а уж за ней рычали яки, гудели раковины и чаши, били барабаны.

Вот так всегда у нее – не думала не хотела, а вдруг сорвалась, полетела, *преодолела препятствия*... То ли дело я – целый день готовилась, накручивала бигуди...

Серёжа, изумившись бигудям, спросил:

– Ты что, хочешь поразить тибетских монахов???

Легкое дыхание, способность “вальсировать” до последнего – одно из главных свойств ее жизни. Уверена: возмись каждый из нас, любимых ее друзей, рассказать о том, “какой – он ее хорошо знал”, всего лишь верхушка айсберга покажется из океана (если этот горячий гейзер вообще можно сопоставить с айсбергом!).

Что я знала о ней, если только догадывалась о ее сумасшедшей любви к родителям:

“...Уже поздно. Пора заканчивать письмо. Я вообще люблю писать письма поздно вечером или ночью – тогда настрой другой, он передается на бумагу. А с бумаги вам. Не живое, конечно, общение, но в чем-то даже более близкое, потому что с глазу на глаз говорится всё время о чем-то будничном

и не самом главном. А самое главное, что я вас ужасно, почти болезненно люблю, очень виню себя за то, что не могу быть с вами рядом, хотя знаю, что это для вас самое главное в жизни. Оттого мучаюсь и все время молюсь за вас. Только будьте здоровы и живите долго. А пока мы есть друг у друга, нам никакие мысли не страшны.

Целую крепко-крепко. Буду искать вас во сне”.

Когда и слухом не слыхивала ее виртуозный английский: если б дело дошло до писательства, ей пришлось бы решать – на каком языке писать.

Не читала странных ее, провидческих стихов.

Не видела – мчащейся по отвесной стене на горных лыжах.

...И танцующей танго...

Ни сном, ни духом не подозревала, что она – профессиональный пловец, серьезный спортсмен с соответствующим характером.

Зато про ее уникальную способность к иностранным языкам и русалочью повадку хорошо знали Александр и Николай Гратовские, основатели посольства дельфинов и китов на Земле, создатели всемирного фестиваля дельфинства на острове Тенерифе в порту Лос-Гигантес, не зря они доверили Ире налаживать контакты всемирного человечества с народами океанов.

Казалось, она мимоходом стирает любые границы – меж-

ду странами и континентами, островами и материком, океаном и сушей, иллюзией и реальностью, а вот теперь еще – и между Землей и Небом.

Кому она посвятила этот стих – обитателям морей или суши? Или тому невыразимому, что соединяет и тех и других?

Я только что вылезла из воды
И молча стою на берегу океана
С моего чешуйчатого хвоста
Еще стекают вода и планктон.
А в небе над головой уже
Плывут ракеты, жужжат вертолеты
Летят телеграммы
И в горле желтым комом застревает
Проплывающая мимо звезда

Я же видела в ней острое, соколиное или сорочье, внимание к деталям, которые всё время оказываются важнее обстоятельств, восходящую интонацию повествования, клавиатуру периодических обломов и восторга, по которой ее рассказ при всякой нашей встрече (включая предпоследнюю, майскую, на празднике открытия Лёней Тишковым бронзового монумента Водолаза в Парке Горького, куда она пришагала сама – как раньше!) – взбегал до верхнего “до”, до счастливого разрешения, до надежды на исцеление и чудо.

Я говорила:

– Тебе надо писать прозу. То Стенли Бингу, то Босоного-

му доку, то нашему “Толлику”... ты даришь свой неповторимый слог¹. И в этом – мимика и жест, трюк и фраза, не говоря об интонации...

Но за текстом, как за кадром, стоял невидимый груз преодоления растущих, будто на дрожжах, препятствий, чему никто из нас до поры до времени не придавал особого значения, столь это грациозно и легко преподносилось.

В мае 2014 года мы с Лёней улетали в Японию, Лёня задумал сделать “Луну Басё” из пня снесенной бурей японской криптомерии с громадными извилистыми корнями – возжечь внутри лунный свет, как в стихотворении Мацуо Басё:

В небе такая луна,
Словно дерево спилено под корень:
Виднеется свежий срез.

“ЯПОНИЯ! Вот это да!! – писала мне Ирка. – Я там жила, я точно помню. И даже скоро узнаю, когда и как это было – на семинаре по прошлым жизням в начале июня. Но ты мне еще до того много-много всего расскажешь. Я к вам приеду после вашего возвращения с ночевкой – обрати внимание, я даже не спрашиваю, можно ли! – и вы будете с Лёней рас-

---

¹ Среди книг, переведенных Ириной Мелдрис: Стенли Бинг “Как забросить слона в небеса”, Стивен Рассел “Жизнь: зарядное устройство”, Экхарт Толле “Сила настоящего”. – *Примеч. автора.*

сказывать мне о Японии ночь напролет. Луна же не светит днем (хоть и бледнеет там иногда поутру). Поэтому ночью, только ночью, я буду внимать вашей японской притче. Жду от тебя из Японии писем с ароматом лепестков...”

Я отвечала:

“Видимо, огонь, что нас связывает, полыхает и в настоящей жизни, а не только в прошлых – по которым грядет семинар. Смотрю на тебя, как на произведение искусства древних мастеров, и не перестаю удивляться, что ты при всём том ухитряешься оставаться человеком с большой буквы Ч))”.

“Я когда – если вдруг такое случится, – встречу принца на белом коне (хотя нет, на белом уже был, пусть будет на гнедом), – она мне писала, – то немедленно примчусь к тебе за рекомендательным письмом. Прочитав его, он предложит мне, очертя голову, сердце, и еще какой-нибудь обалденный сюрприз, который мы разделим пополам и употребим по-братски. И давай откроем клуб знакомств, для всех, кто с буквы Ч, пусть он будет совсем небольшой, мы станем его бессменными заводилами. И будем заводить всех и нас самих туда, где не тесно, не скучно, не зябко, не серо, а с точностью до наоборот. Как тебе такая перспектива? Конечно, Лёня будет у нас главным по космическим объектам разного формата, важности и хрупкости.

Вот же заживём!!

Целую тебя, мой маленький волшебный треугольник све-

та и бесшабашной любви!

P.S. Да, и меня давно интересует – откуда между нами эта небренная связь...”

Жить вопреки, жить несмотря на, жить, будто ничего не случилось. Широкими холщовыми штанами, шапками немислимых фасонов, своим отказом выглядеть здешней взвихря вокруг стихию карнавала...

Если не удастся прожить жизнь так, как задумано, можно включить аварийные огни – даст бог, сойдет за иллюминацию, – выдумать сюжеты, что лягут в основу большого приключения.

“Я всё не прихожу в отчаянье, – писал Хармс. – Должно быть, я на что-то надеюсь, и мне кажется, что мое положение лучше, чем оно есть на самом деле”.

Сумерки в глазах, безостановочное лечение на несколько фронтов предполагали мало места для маневра. Но оставалось впечатление прозрачности, прочности, едва ли не младенческой неуязвимости, а главное, совсем немного времени, чтобы устремиться в неведомые дали. Поэтому – всё-таки Япония. Через Японию – на Гавайи.

“Буддисты считают, – написала она родителям, – что только тот, кто всё время думает о смерти, может до глубины прочувствовать, как прекрасна жизнь. Я полностью с этим согласна, при условии, что эти мысли пропитаны не страхом,

а спокойной уверенностью, даже верой в то, что в конце пути самое главное и самое лучшее, что удалось накопить, мы возьмем с собой в следующий путь, который несомненно существует”.

В книге “Жизнь Пи” – на фотографии с ее автором, канадским писателем Янном Мартелом, Ирка склоняется над самодельной лодочкой сосновой – герой после губительного шторма оказывается на шлюпке посреди океана в компании грозного бенгальского тигра и долго дрейфует вместе с ним. Когда его спасают, выясняется, что тигра он выдумал, и эта смертельно опасная игра – всего лишь попытка отстраниться от реального бедствия, того, что случилось на самом деле.

В феврале 2015-го ей вдруг захотелось отправиться к Юле в Пушкинские Горы, к енотам Боцману и Моне Барабанову, гусю Хиддинку, ежу Аркадию, аисту Самсону, выдренышу Колбасе, носухе Августине и волчице Ирме.

Когда-то Ира участвовала в проекте “Дикая Россия” Би-Би-Си – о диких животных в разных странах, что неудивительно при ее стихийном ощущении единства со всем живым на Земле – никаких преград, она едва сознавала собственные границы. Пришла пора вновь прикоснуться к животной энергии, почувствовать опору в ней, постичь науку звериного выживания.

Я часто ей пересылала Юлины письма, Ирка зачитывалась ими, поддерживала нас в решимости возвести книгу из

нашей переписки, эпистолярный роман, требовала почитать рукопись (всё это – с неумолимо гаснущим зрением, но – неугасимым интересом огненного Стрельца к жизни!)

Юлька писала нам:

“Заглядываю к енотам, засовываю в их домик, набитый сеном, руку, нащупываю их там, бока все теплые, высунут морды, пахнут сеном, сено от тепла их тел разомлело, сухие травы закрепили и расправили листья – аромат! Надо было застелить всё березовыми вениками – тогда как в бане! А окошко от мороза и теплого дыхания енотов всё в инее. И нам обещают потепление!

У Ирмушки начался романтический период. Вечером обязательное пение. Поют Ирма, Разбой, отдельно – Тори. Купол их оперного театра – небо”.

“Какая же за городом красота! – откликнулась Ирка. – Аж в сердце что-то заиндевелось голубизной. А еноты-то, еноты! Я бы к ним в дупло хоть сейчас рыбой, не раздумывая, – правда, маленькой и невидимой, потому что места там немного, да и посторонним наверняка вход воспрещен.

Носуха – вообще шедевр природы! Придет весна – рванем с тобой в Михайловское – хочу от ее розового брюшка живьем обомлеть. Может, и к девочкам-рысям удастся приблизиться – к красоте всегда хочется как-то поближе, особенно к такой вот, аристократической. Всё-таки порода – это вещь!

А совы с филином – любовь всей моей жизни. Обожаю совиный род всем своим мистическим прошлым (а может, и будущим)). Скажи, а где это – Михайловское, и можно ли туда как-то проникнуть для личного с ними знакомства?

Ты уже в Москве или еще творишь среди прогалин и зреющих подснежников?

Целую – совершенно не медитативно!”

“Я вам говорила, – сама того не зная, подливала масла в огонь Юлька, – что у носухи Августины есть удивительная привычка или ею самой придуманная игра: на прогулке залезет на дерево и обязательно прыгает с него на меня, а я ее ловлю. Перед прыжком мы встречаемся взглядами, я, показывая, что всё хорошо, тяну к ней руки (хотя она может спрыгнуть без приглашения). И – вот он, этот момент: летящая носуха.

Так я лечу к вам – сердцем.

Ваша Ю.”

“В этих тянущихся друг к другу взглядах, – отвечала Ира, – мир открывается совершенно с другой стороны. Там нет деления на людей, енотов и носух, но есть то, что невозможно адекватно описать. Пусть оно там так и летит зевает улыбается – без всякой пунктуации и каких-либо слов!

Ну и везет же тебе на друзей)))”.

Мысленно она уже мчалась в желтеньком “пежо” в Пушкинские Горы, Псковскую губернию, село Михайловское... Всю-то я вселенную проехал, а Михайловское – вот оно, рядом, только руку протянуть... “Лукавая судьба еще полна сюрпризов. Столько еще невиденного, неиспытанного, неосмысленного...”. Скорей – прижать к животу рысь, пушистого лиса Васю, енотов и носух, обнять и поцеловать волчицу Ирму...

Юля занервничала:

“Марина, прошу вас, напомните Ире – мы-то ведь с вами знаем – вы после Уголка Дурова, а я как человек уже много раз укушенный, – что у всех симпатяг есть зубы! И когда Боцман (енот), например, иногда при мне зевает, показывая молодецкие клыки, меня пробирает холодок под любящим материнским сердцем. Это правда...”

“Мариша, как прекрасно всё живое...”

Мы с тобой немедленно должны увидеться. Столько всего вокруг, внутри и на стыке – не рассказать об этом просто невозможно!..”

“Проездом в Москве, – пишу ей. – Из Новосибирска в Киров, не разбирая рюкзака, обняла Лёню, прибывшего с гастролей в Красноярске, а уж состав «Вятка» разводит пары...”

В августе Лёню с его Луной пригласили в Румынию – в прямом и переносном смысле выхватить из темноты экологические катастрофы, происходящие в самых заповедных природных уголках страны: безжалостные вырубки буковых лесов, незаконные карьеры золотодобытчиков, затопленные ядовитым купоросом деревни в долине Карпатских гор... Вполне себе опасное путешествие, но разве Лёню остано-вишь, когда речь идет о спасении Земли!

Ливень, дома в Бухаресте зарастают деревьями, древес-ные семена пробиваются сквозь причудливые балкончики, балясины, черепичные крыши. Роскошные особняки в цен-тре Бухареста сплошь заселены цыганскими таборами, всё разваливается потихоньку. Рэй Бредбери “Марсианские хро-ники”.

Лёня купил обалденную шляпу в очень подозрительном проходном дворе лично у заслуженного шляпника Бухареста восьмидесяти шести лет от роду; по его словам, как раз пер-ед Леонидом Тишковым у него приобрел шляпу сам Ален Делон. Погрузили в машину Луну, электрические батареи, резиновые сапоги. И – понеслись по румынским Карпатам, перебираясь из ущелья в ущелье, каждую ночь в эпицентре всё новых и новых природных аварий снимали Тишкова в старом плаще его отца в шляпе и с Луной...

Вдруг мне пришло письмо от Олега Вавилова:

“Марина, у меня к тебе большая просьба – можешь по-

смотреть на текст? Я просто не в состоянии уже писать что-то внятно.

Ире совсем плохо и счет идет на недели, может, и дни.

Что можно еще написать и где это разместить...”

И в тот же день:

“С Ирой беда, три опухоли в мозгу плюс лимфокарцинома. Не ест уже пятый день. Совсем ничего. Очень ослабла, лежит. Сейчас приедет врач из хосписа, может, заберем ее в хоспис.

Родителям она сказала только позавчера.

С Израилем на связи, сегодня ночью мне пришлют калькуляцию. Постараюсь быстро собрать по знакомым первую сумму и отправить туда лечиться Иру с кем-то из друзей, может быть, самому надо будет лететь, пока не знаю. Потом всё равно нужны будут деньги, так что будем собирать.

Лёня подал хорошую идею с аукционом, я включусь в организацию.

Надо ее сейчас начать кормить, это главная задача.

Шансы есть – молимся все вместе.

Обнимаю,

Олег”.

“Иришенька, любимая моя, дорогая, моя драгоценная Ириша! – строчила я на коленке в глухом пристанище лесном. – Нас занесло в Румынию, снимаем Луну на пролыси-

нах карпатских склонов, где браконьеры вырубают королевские буки. Вернемся 5 сентября, и я вся буду с тобой, где бы ты ни была, я уже с тобой, моя золотая сестричка. Лёня быстро заступится за дубы и буки на этой планете, и мы примчимся к тебе, что надо сделаем, побежим, принесем, организуем. Ты только держись, ладно? Кушай хотя бы немножко, береги силы...”

“Прочитал ей, – телеграфировал Олег. – Очень любит и постарается отписать, когда полегчает”.

“Ириша, любимая, родная, вот они мы, кочуем по Валахии и Трансильвании, смотри, наша с тобой Луна присела у единственного бука, чудом уцелевшего от вырубки, это священное волшебное дерево, приносящее исцеление, шлю тебе пока его одного, но буковую целебную рощу ты всё равно получишь в целости и сохранности, несмотря ни на что!..”

В тот день мы преодолели заоблачный перевал и очутились в мокрой лощине, заросшей лесом, стемнело, на краю черной чащи деревянная гостиница с опоясывающим балкончиком вдоль бревенчатых стен. Духота, сырость, комары, ледяная вода, туман, горы синие вдали, на альпийской лужайке разгуливают индюки, куча кошек и старый пес. “Супергармония” называется отель.

В полночь поужинали мамалыгой с бараньим сыром, всё пахучее, терпкое, натуральное, с непривычки не перева-

ришь... Разошлись по комнатам. Приоткрыли щель в пластиковом окне. Только стали засыпать, вдруг – визг, возня, кто-то повис на шторе, заметался по комнате. И через пять минут из-под кровати раздался отвратительный вой.

Завтра тяжелый день, дальний переезд, ночные съемки, и вот такие мясные пирожки с яблоками. Чертыхаясь, полезли под кровать, а там посредине – со всех сторон не достать – шерсть дыбом, уши торчком, взъерошенный котяра сверкает глазом.

Ночь напролет пытались выудить из-под кровати это исчадие всеми возможными способами, всё напрасно. Лёня схватил мой зонт, купленный во Франкфурте, и столь яростно стал им шуровать под кроватью, что отломил ручку. Я обошла дом, облазила чердаки и подвалы, за печкой нашла кочергу. Только на рассвете сей языческий атрибут власти над нечистой силой с одной стороны и зонт с другой возымели действие – ошалелый кот выпулил из-под кровати в распахнутую дверь и был таков.

Оказывается, ненормальный хозяин в качестве изюминки для туристов в своей подзабытой богом дыре инсценирует замок Дракулы: кому в дверь, кому в окно подбрасывает ножами кошек, и народ с ними до утра мучается, такой нам попался псих.

На завтрак подали мясо и бурду вместо кофе; мы с удовольствием покинули этот убогий приют, несколько часов ехали по буеракам и колдобинам, под вечер прибыли в запо-

ведник. И тут я поняла, что в суматохе забыла под подушкой своей серебристо-золотой жилет.

Стоим на берегу прекрасного горного озера, заваленного пластиковыми бутылками и пакетами, по “глади” озерной, как ни в чем не бывало, плывут кучевые облака, Лёнина Луна опустилась на взгорочек и освещает бледным мерцающим светом это вопиющее безобразие, на другом берегу пасутся две лошади, белая и гнедая. Нацеливаю объектив, пытаюсь навести резкость – в самом что ни на есть безотрадном состоянии духа. Что не ускользнуло от внимания нашего водителя Мариуса, коренастого парня, наполовину турка, наполовину румына.

Он очень скромно держался, был молчалив, ел в стороне от всей честной компании, но постепенно, как это обычно бывает, оказалось, что жизнь каждого участника нашей экстремальной экспедиции находится в его смуглых руках. Что он не просто мастерски, технично, бережно везет нас по горным глухим дорогам, каменистым, ухабистым, развороченным, и на всей скорости однажды плавно объехал перебежавшую скоростную трассу мышь, – но в трудные моменты Мариус как-то естественно и незаметно оказывался рядом, причем это касалось *всего*.

– Что-то случилось? – спросил он у меня.

Я: так, мол, и так, в кошачьем раю забыла жилет, который сейчас мне особенно дорог...

– Поеду – привезу, – сказал Мариус.

А ночь. Горы темные, диковатые, дорога – никакая.
Я говорю... в общем, я уже ничего не говорю.
Он уехал и через четыре часа привез мне жилет.

“Иришенька, солнце мое, моя любовь!

Всё-таки удивительная вещь: как можно не видеться с человеком несколько месяцев – и всё время думать о нем и мечтать, вспоминая счастливый день, когда мы отправились на поиски японского жилета, который я с тех пор никогда не снимаю – ни в жару, ни в холода.

Надо ж было такому случиться, что прошлой ночью, умаявшись ездой по горному серпантину, я рухнула в постель, положив его под голову, а наутро забыла забрать из-под подушки. Мы далеко уехали оттуда, но шофер Мариус, увидев, как я огорчилась, в ночь-полночь вернулся и мне его привез. Вот он, снова у меня, как золотой кусочек той нашей встречи. И как обещание – новой!

Обнимаю тебя – родная моя, любимая, скоро увидимся, жди меня, кушай понемножку, держись, твои Марина, Луна и священная буковая роща, которую я тебе вчера обещала”.

“Как же я тебя люблю, Мариша! – она мне ответила. – Очень жду! Береги наш жилет!”

Ночью приснилось, что мы с ней стоим на берегу озера в мокрой от росы траве, как лошади, положив головы друг

другу на плечи. На высокой скале напротив горел обращенный к нам сияющий крест. А совсем рядом, почти задевая верхушку округлым боком, застыла луна – такая огромная, что видно было все ее горы и впадины.

Утром от Олега пришло письмо.

“Ира по-прежнему очень слабая. Боли, слава Богу, нет. Пытаемся начать ее кормить. Очень надеемся, что за три-четыре дня ей полегчает. В хоспис пока решили не везти – чтобы не сломить.

Есть ли необходимость ехать именно в Израиль – вопрос серьезный и открытый. Они написали, что готовы принять ее на консультацию, но результатом может быть и отказ от лечения и возврат домой. Ты представляешь, каково будет ей это услышать. Сегодня в Израиле консилиум, должны ответить: возьмутся? И за сколько.

Пока пытаюсь ее здесь поставить на ноги...”

“Иришик мой дорогой! Поднимаясь всё выше и выше в горы, глядя в эти бездны, что удивительно для Карпат, не ожидала от них такого, – я думаю: куда же нас, елки-палки, занесло? И будет ли отдых усталым членам?

Полюбуйся, отправились с Лёней на восхождение с тележкой на колесиках, не подозревая, что сейчас перед нами вырастет вертикальная гора на час подъема, мокрая, скользкая после трехдневного ливня глиняная тропа...

Через пять шагов от колесиков пришлось отказаться.

А еще через пятьдесят – на чистом старинном наречии трансильванском – я предложила ее, эту гору, обойти.

– Ни шагу назад! Обратной дороги нет! – вскричал Лёня, древний аксакал – среди молодых и натренированных румынских шерпов.

Но я решительно повернула караван назад.

Видела бы ты, с каким облегчением все спустились вниз!

Так с годами к нам приходит не только немочь, но и мудрость.

Правда, не ко всем...)”

И снова короткий драгоценный ответ:

“Вперед, только вперед (не всегда это значит всё выше и выше)!

В наши лета чаще помогают обходные даосские пути.

Мысленно в вашей сумочке: Ириша”.

“Самый лучший подарок – твое письмо!

Ты кушаешь? Ура!

Тогда слушай дальше.

Оказывается, на свете есть удивительные Закатные горы. Они так и называются – Апусень – место, где опускается солнце. Кстати, тут же оно и восходит – еще прекраснее прежнего! Мы остановились по соседству с самым во

всей окрестности старым деревянным храмом XV века, шла очень красивая служба – как они пели! Я тихо подпевала им – чтоб и моя тоже песенка вливалась в Большое Вселенское Ухо, и моя маленькая просьба о Тебе была услышана...

...А вот Луна явилась в церковь Санта-Мария Орлия помолиться о спасении Земли.

И той стало полегче..."

“Марина! – это Олег. – Ире лучше, что нам очень нужно сейчас – в воскресенье мы летим в Израиль, нас там ждут на консультацию и лечение.

К сожалению, результаты нового МРТ показывают, что опухоли в голове ведут себя агрессивно. Но шансы есть. И есть уверенность в них.

(Завтра Ире прочту твое письмо и покажу фотки.)”

“Слушай дальше. По дороге в Бухарест мы заехали к Живым Камням. Есть такое загадочное место в Трансильвании, где живут реликтовые камни, похожие на яйца динозавров – их называют ТРАВАНТЫ. Очень древние, говорят, что они растут после дождя, самостоятельно передвигаются с места на место и даже размножаются – почкованием! Во всяком случае, они очень теплые и действительно – будто органическая материя – такое впечатление.

Ничего этого не зная про них, Лёня придумал на снимке поливать их из лейки, якобы он садовник в этом саду кам-

ней, растит камни. И правда, когда он их поливал, они прямо на глазах начинали шевелиться и вздыматься, как фаллические восточные храмы, при этом от них исходила настолько могучая энергия, хоть там часами медитируй.

Шлю тебе целительную энергию этих волшебных мест,
Лови ее, вбирай в себя и выздоравливай!”

Вечером прилетели в Москву, а утром я примчалась в аэропорт и увидела ее за ограждением, где проходило собеседование улетающих в Тель-Авив с израильской службой безопасности.

Ирка сидела в кресле на колесах, красивая как всегда, в бирюзовой худи с капюшоном, в сабо, вязаных носочках, с причудливой тростью деревянной и с большой картонной коробкой, в ней лежала ее знаменитая подушка. (“Итак, – она когда-то расписывала ее своим родителям, – я сделала еще один шагок к этому самому здоровью и купила себе ортопедическую подушку с валиком под шею. Сделана она из специального пористого материала, который под давлением принимает обтекаемую форму шеи и головы. Уже две ночи сплю на этой подушке! Ощущение непередаваемое. Все мышцы шеи пряменькие, разнеженные и расслабленные, в сон wpłyваєшь как по маслу. Я даже спать стала раньше ложиться, поскольку не могу дождаться, чтобы поскорее до моей чудесной подушки добраться. Как только накоплю чуть-чуть денег, обязательно мамочке такую куплю. Ну а потом

уже и отцу, он ведь у нас богатырь, богатырей будем при-
страивать к хвосту очереди...”)

Каким-то образом со своим зрением туманным она увидела меня в толпе. Сначала, конечно, Олега, потом старого друга Диму, Женю и вдруг поняла, что с ними я стою, ну, правда, я размахивала руками, подпрыгивала и всячески давала Ирке понять, мол, я прикатила, успела, прискакала, – она так вглядывалась старательно в нашу компанию, пока меня узрела, вдохнула: “Ах!” и заплакала.

– Нельзя ей волноваться, – забеспокоился Олег.

И побежал скорей угощать ее булочкой с корицей и ванилью.

– Булочка пошла, – с нежностью и умилением обсуждали это дело Дима с Женей. Еще они ей купили в самолет жевательную резинку “тропические фрукты”, вот именно такую она попросила, никакую другую.

Потом ее вывез на кресле служащий сопровождения и деликатно отошел в сторонку, пока мы все ее обнимали и целовали.

Тут она мне сказала:

– Это должна быть книга, слышишь? Под названием: “Как мы Ирку от смерти спасали”. Ты, летописец наших побед и поражений, сделаешь предисловие. Она будет такая – ...лабиринты жизни – и... Свет!..

– Конечно! – сказала я.

(Дима рассказывал, тридцать лет назад в Коктебеле он шагал по набережной с большого, надо сказать, похмелья и впервые увидев Иру, мрачно к ней подрулил и сказал:

– Может быть, портвейна?

– Конечно! – ответила она.

Иркино “конечно!” теперь у нас у всех притча во языцех.)

“Иришик, любимый мой!

Что такое эта жизнь, я никогда не пойму? Что за речной поток несет нас неведомо куда, и мы с любопытством оглядываемся вокруг, поражаясь его непредсказуемым маршрутам? Кто там наверху рассчитал время – буквально до секунды, чтобы я успела примчаться к тебе в аэропорт, обнять, расцеловать и прижать к сердцу?

И, конечно, увидеть твоих потрясающих друзей. Ты говорила, что у меня обалденные друзья. Но четыре мушкетера, сопровождавшие тебя, – это что-то особенное.

Правильно говорят: рядом с нами те, кого мы заслужили.

Лёня уже готовит для тебя рисунки со стихами.

А я жду письма от Олега – как там вообще всё, на Святой земле?”

Тем временем мы готовились к благотворительному аукциону. Лёня ходил по выставкам, приветливо обозревал окрестности, встречал художников, завязывал разговор, добывал полотна. Художники откликались, давали самое доро-

гое, что у них есть.

Вести аукцион согласился недостижимый ас этого дела, искрометный Шишкин (как же всё неслучайно в этом мире, не зря мы его встретили тогда на Винзаводе и он был очарован Ирой!)

В середине октября нам позвонил Вавилов, расстроенный:

– Ира пошла на прием к урологу – надо было провести какую-то процедуру. Он ей сказал: “Да ладно, вам жить осталось всего ничего, ходите так”. Ну что это? – возмущался Олег, – он даже не ее ведущий онколог. Какое он право имел такое заявлять? Его кто-нибудь спрашивал или что?

– Мне кажется, – говорил он, – ее надо оттуда забирать. Пустяковая операция урологическая стоила тринадцать тысяч долларов. Пустяковая! А химиотерапию вообще лучше было бы делать в Москве. Ей становится хуже. Вдруг понадобится хосписная служба, потом родители здесь. Мы ей снимем квартиру – с каким она любит видом из окна: парк, озеро, что угодно... Погода будет портиться, понимаю, ей хочется зимовать в Израиле, она там – как бы уже не здесь, но всё-таки на земле, и очень красивой. Но всё равно лучше возвращаться и проводить лечение тут... Это я репетирую перед тобой, чтобы сказать ей об этом.

Потом звонит – радостный:

– Ей получше! Ходили с подругой в рыбный ресторанчик,

она себе выбрала что-то, поела! И написала сценарий аукциона, где Марина будет играть главную роль в ее свитере с драконом...

Стали мы думать, где проводить аукцион. Хотели в магазине “Белые облака”, но Лёня давай озираться подозрительно: здесь гадание по воде, тут на картах Таро, тут можно сфотографировать ауру, в общем, для нашего мероприятия он счел этот контекст уж слишком насыщенным и предпочел большой зал в “Открытом мире”.

Итак, он взялся за инсталлирование картин и графики, соединяя несоединимое, развешивая на крючки и расставляя по столам, подсвечивая все наши чудом добытые сокровища настольными лампами. Получилась грандиозная, хотя и разношерная выставка.

Клон Поленова, заключенный в шикарную золоченую раму, которая всей своей внушительностью не оставляла сомнений в подлинности картины. Черно-белый керамический медведь Бартенева, вышитый натюрморт и немного пыльный итальянский пейзаж, принесенный Евгением Августовичем, соседствовали с брутальной фотографией голого Олега Кулика, доящего огромного дога, и шелкографиями бледных человечков Бильжо. Также украшали выставку мистические полотна и кристалл Сержа Рокамболя, небольшая лиричная картина с изображением горной гряды Гребенщикова, выразительный портрет девушки в исполнении Макаревича и

много чего еще.

Впрочем, публика собиралась вся своя, мы силились разглядеть в малочисленных незнакомцах именитых и, главное, богатых коллекционеров, но – увы!..

Ладно, Шишкин вышел к столу, на котором уже стояла Иркина тибетская чаша, взял в руки деревянную колотушку и приготовился ударить в “гонг”.

Внезапно Вавилов исчез, буквально растворился в воздухе, я побежала его искать и обнаружила в кафе:

– Пора начинать мероприятие! – говорю я.

Он встал, как-то нерешительно двинулся в зал, понуро предстал перед публикой и грустным голосом неожиданно объявил, мол, формат встречи придется изменить, поскольку нет того собрания, на какое мы рассчитывали, так что аукцион объявляется недействительным, но если кто-то готов что-нибудь купить – поднимите руки.

Шишкин в недоумении пожал плечами. Тут поднялся – не то, чтобы лес рук, но всё же часть присутствующих робко подняли руки, и мы с Лёней, воспользовавшись заминкой, закричали:

– Даешь аукцион!

Так Шишкин начал один из своих блистательнейших аукционов, ничуть не хуже известных публичных торгов, где, по слухам, мэр Лужков даже продал свою кепку!

Лёня надел белые перчатки, изящно дополнившие черный костюм, в котором он обычно снимается с Луной, и приго-

товился выносить на суд публики произведения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.